

НА ПЛЕНУМЕ
По предложению тов. ЛАХУТИ всесоюзный пленум Оргкомитета ССП обратился к ПРИВЕТСТВЕННОЙ ТЕЛЕГРАММОЙ к происходящему сейчас в Ташкенте СЪЕЗДУ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.

Литературная газета

ОРГАН ОРГКОМИТЕТА СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР И РСФСР

№ 29 (345)

10 МАРТА 1934 года

ВЫХОДИТ ЧЕРЕЗ ДЕНЬ

НА ПЛЕНУМЕ
В своем ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОМ СЛОВЕ, которым закончилось утреннее заседание 9 марта, тов. ЮДИН подвел итог пленуму, отметил, за немногими исключениями, их содержательность и принципиальность.

III ВСЕСОЮЗНЫЙ ПЛЕНУМ ОРГКОМИТЕТА СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

П Р Е Н И Я П О Д О К Л А Д У Т О В. П. Ю Д И Н А

Вечернее заседание 7 марта

Борьба за качество в советской литературе, требование повысить художественный уровень писательского творчества явились основной идеей пленума, развернувшись по докладу т. Юдина.

Тов. Муратов (г. Горький) пожаловался на бедность краевой литературы. Вместо того чтобы использовать такой колоссальный материал, как автозавод, станкостроительный и химический комбинаты и целая группа новых заводов, остроумных в первой пятилетке, писатели Горьковского края до сих пор описывали, по выражению т. Муратова, «заборки действительности».

Тов. Александрович (БССР) рассказал делегатам пленума о той борьбе, которую пришлось вести начинающим писателям в области белорусского языка. По прямой директиве из Москвы фашисты националисты стремились так реформировать белорусский язык, чтобы отделить его от русского языка.

Тов. Ермилов, заявляет, что Уткин и Кисринов не привлекли к отвлеченным вопросам поэзии, считая, что выступления эти показывают, как у наших писателей слабо развито чувство самокритики. Когда-то Ленин писал о Вильсоне, окружив себя интеллигентами, Вильсон возвел их в великаны, чтобы самому казаться сверхчеловеком.

Подчеркывая большое значение массового творчества, как и новых форм работы некоторых писателей — т. Ставского, Шолохова, Галина, Ильина и др., умеющих организовать своих героев и персонажей так, что они сами говорят о себе через талант писателя, т. Ермилов критикует статью Л. Авербаха о книге «Люди СТЗ», в которой т. Авербах подошел как к роману, заявляя, что книга должна быть приписана к жанру автобиографии.

Тов. Ермилов критикует и «среднюю антиутопическую тенденцию» И. Новича, который в статье о книге Панферова «Твердой полюблю» в журнале «Октябрь» заявил, что книга эта является чуть ли не документом истории мировой литературы, что Панферов «глаубеж», «сильнее, последовательнее, чем самые лучшие писатели прошлого».

Тов. Чумандрин выдвинул мысль о том, что в мировой литературе существуют две основных линии: Толстой, Чехов. Золотая жизненная прелесть своих героев, но они берут средние характеры, средние типы, средние ситуации; с другой стороны, существуют Бальзак, Гоголь, Салтыков-Щедрин, они дают большие характеры, становящиеся нарицательными именами.

Представитель Оргкомитета ССП Казахстана т. Джансугуров рассказал делегатам пленума о ряде до-

НА ПЛЕНУМЕ. Выступление т. Александровича (БССР).

Утреннее заседание 8 марта

Тов. Кузьмич (Украина) рассказал о той резкой борьбе в подпольном кругу, которая велась в последнее время в украинской литературе. Крупнейшие литераторы Украины — Микитенко, Корнийчук, Первомайский, Усенко, Голово, Паньч, Копыленко — прежде чем выпустить новое произведение, создают несколько его вариантов, упорно работают над ним.

О работе московского вечернего литературного университета доложил пленуму т. Наумов, указав на некоторые жилищные условия, в которых приходится работать университету, на те трудности, которые приходится ему испытывать.

Тов. Фефер (Украина) говорит о том, что у нас есть писатели, которые знают жизнь, но не умеют писать, есть писатели, которые умеют писать, но не знают жизни; есть, наконец, и такие, которые жизни не знают, и писать не умеют.

В заключение т. Фефер выдвигает предложение о созыве всесоюзного производственного совещания поэтов, чтобы объединить поэтические кадры и создать более здоровую атмосферу для их творческой работы.

Тов. Ф. Березовский, отмечая значительность достижений советской литературы и в частности широкую популярность советских книг, пьес и фильмов за рубежом, вместе с тем указывает, что ряд важнейших проблем, подкасающихся нашей действительности, еще не затронут советской литературой.

Тов. Дунец (БССР) сообщил о ряде конкретных достижений, когда литература советской Белоруссии добилась в последнее время выходов из прежних провинциальных, узконациональных рамок. В произведениях белорусских писателей появилась международная тематика.

В результате недавно проведенного республиканского конкурса на драматургические произведения конкурсный комитет получил 70 произведений, среди которых можно считать ряд значительных вещей: «Конец дружбы» — пьеса одного из лучших прозаиков БССР — Крайних, трагического партийного гему; «Симфония гнева» Шершелевича, описывающего перелом в сторону революции в передовых кругах зарубежной интеллигенции.

Под знаком роста прошел и недавний конкурс белорусской детской литературы, давший также ряд интересных произведений. В частности — романа «Бунтарь» К. Шильдрета.

Вечернее заседание 8 марта

8 марта на вечернем заседании пленума по докладу т. Юдина выступили тт. Семенов, Шор, Сурков, Микитенко, Фефер, Первомайский, Кирпотин и др.

Тов. Семенов указывает на необходимость более повышенного внимания к оборонной тематике, в частности, к проблеме гражданской войны в советской литературе. В последнее время эта тема стала своего рода приманкой и для тех писателей, у которых нет никакого опыта и понимания гражданской войны, по которой любят «собирать» записки «сизидики», учителям высший спрос на оборонную литературу.

Тов. Шор посвящает свое выступление проблеме качества переводческой литературы. Эта проблема приобретает исключительную остроту в настоящее время, когда мы так глубоко и решительно ставим вопрос овладения классическим наследием и обмена творческим опытом народов СССР.

Тов. Шор приводит ряд иллюстраций, достаточно четко свидетельствующих о той мере безответственности, которая еще отличает практику многих наших переводчиков, допускающих невероятно грубые искажения в переводах произведений великих основоположников марксизма и мировой художественной литературы.

Тов. Шор — Бейнберг сходит за Гейне, Ириарх Велеский — за Диккенса. С этим положением надо покончить, и немаловажную роль здесь призвана сыграть критика. Нужно добиться такого положения, чтобы советский критик мог уже сравнивать перевод с оригиналом.

С большим интересом выслушал пленум выступление тов. А. Суркова, посвященное вопросам критики и поэзии.

Тов. Сурков иронически говорит о «благочестивых гайдакиных уважениях», которые слишком обильно раздвинулись в последнее время в садах нашей критики. Не очень еще давно критика чаще была по преимуществу «голубиной», теперь она стала чересчур «застенчивой», временами даже робкой и трусливой. Поэтому то и свернулась, пожалуй, дискуссия о социалистическом реализме, ибо без привлечения конкретных произведений к этому делу дискуссия не развернуть, а достояние молодежи в суждении об

Тов. Лавренко затронул на пленуме особый, весьма важный вопрос. Во время недавнего пребывания за границей ему пришлось убедиться в наличии большого неудовлетворенного спроса на советскую художественную литературу.

Тов. Никул Эркар рассказывает о том, что в Мордовии горячо обсуждаются последние статьи Горького, которые показывают, что Горький живет жизнью и мыслью миллионов. Полемика с группой поэтов, выступивших на пленуме, представитель писателей Мордовии заявляет, что, ссылаясь на групповую эти поэты показывают свою творческую бедность и беспомощность, ибо, видимо, их книги не в состоянии защитить их от групповщины. А книги должны говорить сами за себя.

Тов. Г. Фиш отмечает, что большинство наших критиков не знает материала, положенного в основу тех книг, которые они критикуют. Этим зачастую объясняется беспомощность книги, ее поверхностность. Вместе с тем т. Фиш отмечает существенное качественное отличие советской критики: наша критика перестала быть чисто литературной, она стала частью большевистской самокритики!

Тов. Тажибаев (Казахстан) призывает писателей всех народов СССР к сплоченности, к настоящей дружбной коллективной работе, не ограничивающейся докладами и не всегда удачными поэтиками отдельных бригад. Рассказывая о Балхашском, Казалимметале, Караганде как о замечательных темах и объектах молодой казахской литературы, о задаче показа классовой борьбы и рождения нового социалистического человека в советском Казахстане, т. Тажибаев говорит и о ряде досадных промахов, допущенных в русской литературе при показе типов казахской литературы при показе типов казахской литературы.

К вопросу о неровности и поверхностности нашей критики возвращается в своем выступлении и т. Демидов, оспаривая напечатанную редакцией на книгу поэта Назолина и выражая возмущение по поводу замалчивания критиков ряда заслуживающих внимания произведений, в частности — романа «Бунтарь» К. Шильдрета.

Вечернее заседание 8 марта

Тем труднее, где эти основы сформулированы, с гениальной четкостью и глубиной.

Тов. Микитенко ставит также вопрос о критике. Он констатирует, что в отношении писателей критика есть еще много эгоцентризма, чванливости, самонадеянности. Но эти особенности не в малой мере характеризуют также и иных критиков. В этой среде не мало случайных молодых людей, «блуждающих перышек», безалаберно ставящих отметки писателям. Необходимо создать такую обстановку, в которой для критиков такого рода места не нашлось бы.

Тов. Фефер развивает ряд мыслей о методах творческого соревнования. Он считает, что на нынешнем этапе нашего литературного движения творческие группировки не нужны — следует перейти к новым, более совершенным формам творческого соревнования.

Тов. Фефер ссылается на свой опыт совместной работы с кинорежиссером Довженко над фильмом по роману «Последний из уланов». Несмотря на различные творческие индивидуальности они нашли в работе общий язык, научились прекрасно понимать друг друга и друг другу помогать в разрешении тех задач, которые они перед собой поставили.

Тов. Фефер оспаривает также наличие разных творческих течений в советской литературе. Он считает, что основной чертой особого течения является особая (никая) социальная база. Как же, — говорит т. Фефер, — мы можем на примере т. Панферова представить различные творческие течения, когда мы с ним оба коммунисты.

Говоря о художественной и теоретической учебе, о борьбе за высокое качество советской литературы, тов. Фефер подчеркивает, что одной из главных предпосылок успешного осуществления всех этих задач может явиться лишь перестройка оргкомитетов. Они должны превратиться из каких-то «полномочий по делам литературы» в «ядро» литературных клубов, где будет проводиться чрезвычайно широкое и плодотворное обсуждение наиболее актуальных проблем литературной действительности и наиболее значительных художественных произведений.

Ликвидация комиссионной суетности, — говорит тов. Фефер, — пойдет на пользу всем и в первую очередь редакторам наших толстых журналов, занимающихся чем угодно, но не своей непосредственной редакторской работой.

С острой речью выступил молодой украинский драматург т. Первомайский. Все внимание пленума он также затронул на вопросе «краткости» писателя. Это обстоятельство, с одной стороны, действительно поможет работать подлинным художникам, понапрасну растрачивающим свое драгоценное время, а с другой, окончательно разоблачит те элементы, которые ссылаются на заседательский шум и суету пытаются оправдать свою творческую беспомощность.

Тов. Первомайский тоже резко выступает против «розовой» критики, вечно «кошблат» литературные клубы, где будет вперед лигатур всего мира, а в области художественного обсуждения, несмотря на все свои недостатки, имеет громадные успехи.

В борьбе за высокое качество советской литературы, — заканчивает г. Кирпотин, — мы должны осуществлять тринидную задачу — она заключается в установлении более прочных органических связей с социалистической действительностью, в выделении проблем большой политической значимости, в овладении мастерством. Это тот путь наибольшего сопротивления, по которому советский писатель смело пойдет и победит.

Тов. Кирпотин приводит ряд случаев, свидетельствующих о том, что практика поборки, по следнего времени кое-кем из наших критиков осуществлялась. Это приводило к перекариванию, к замазыванию недостатков, совершенно некритическому возмечению даже тех сторон, которые особенно нуждались в критической оценке. Так был перекариван в свое время «Страх» Афиногенова, пьеса безусловно значительная, но не лишняя очень существенных и симптоматических недостатков. Некоторые критики в своем безудержном рвении объявля «Страх» даже шедевром, никто не предостерег Афиногенова от возможности дальнейшего углубления его ошибок — и вот мы свидетели его последней неудачи — пьесы, где дана живая коллизия жизни.

Не в меру перекаривана поэма П. Лавильева «Соляной бунт», книга Васьковского «Жизнь», роман Л. Соболева «Капитальный ремонт». Мало вскрылись недостатки Панферова, Шолохова и др.

Критика должна научиться говорить писателям правду, оперируя при этом вескими, продуманными, серьезными аргументами, а писатели должны откликаться на истинность в отношении критики. Никто не должен рассматривать себя как «соля земля», не все имеют право претендовать на «ведущую» роль. Война «самый» должна быть объявлена ачестым непримиримая и последовательная.

НА ПЛЕНУМЕ Джансугуров (предс. Оргкомитета ССП Казахстана). Тажибаев (писатель, Казахстан).

В ПОСЛЕДНЮЮ МИНУТУ
СБОРНИК НЕИЗДАННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. М. ГОРЬКОГО
ЛЕНИНГРАД, 9 марта. Академия наук выпускает в середине марта горьковский сборник, в котором будут опубликованы неизданные произведения Алексея Максимовича.

Охотская повесть

Немало современных книг, подчас написанных ловкой, натренированной рукой, не заражают, не трогают, и читатель остается в досаде на писателя и на себя.

По-настоящему увлечь читателя — это значит заставить себе повествование. Заслужить доверие может только искренний голос, притом счастливо сочетавшийся с хорошим запасом изобразительных средств.

Выпущенная «Молодой гвардией» книга Р. Фраермана «Никитчен» привлекает искренностью тона, свежестю материала и описаний, трогает непосредственностью выражения, тонко изображенными действующими лицами.

Никитчен — по-тунгусски — утка, оленек — олень.

«Осеню, в час, когда я родился, над нашей урасой пролетели утки; свист их крыльев погнало огонь в очаге, и мать закричала: «кто это?»

В книге — две повести: о тунгусских подростках Оленеке и Никитчене и о красном партизане, проследившем охотника Васкы-ги-ляке.

Действие происходит во время японской оккупации на Дальнем Востоке. Краеведческий материал взят автором не книжнично. Он обладает его как очевидец событий, сам топтавший таежные тропы Приморья. Топография изучена на месте: это — Николаевск-на-Амуре, Шантарские острова, Аян, Чумукан.

Обе повести рисуют перековку революцией японского сознания населения нах крайний Север народов, взрыв устоев «пещерного» быта на фоне столкновения интересов и красных партизан.

Автор, насколько не идеализирует своих героев, показывает их не в идеальной эстетике, но в эмоционально-психической реалистической манере. Таковы образы Васкы-ги-ляки и Никитчен.

Примитивное сознание персонажей, элементарность их общих представлений отражены в простом и лаконичном языке книги. Оленек рассказывает Никитчен о болшевишках:

«Они прогнали с присноком солдат и теперь воюют с японцами. Они убьют солнце-царя и могут убить урядника Матвейку, который живет в Чумукане, у кушда Грибникова, под железной крышей, и который крестит тебя, Никитчен, и да тебе ныи Марфа».

— Так злы они? — с испугом спросил Никитчен.

— Так злы они, — ответил Оленек.

Примитивному сознанию трудно усвоить факт: арест купца партизанами.

Р. Фраерман, «Никитчен», «Молодой гвардии», 1933, стр. 327, тир. 20 000; ц. 2 р. 75 к., пер. 1 р.

Фото С. Шингарева

На ф-ке Трехгорной мануфактуры проходит цикл вечеров по изучению творчества советских писателей. На фото: Витрина о «Поднятой целине», подготовленная к вечеру М. Шолохова.

Г. ШТОРМ

Замане. И тунгусы решают: «Если эти люди увезли купца Грибникова, они от нас бегут».

Сами же они называют себя «богатыми воеводами и долами», но все они беспечно и все закладывают за муку и порох «друзьям» (купцам). Беспечен и «богат долами» и охотник Васкы-ги-ляк. Он также незримо разобран в новом законе и праве. Кулак Семка обманчивым путем завладевает любимой собакой Васкы-Ороном. Но вот все поменяется: красные отводят Семку в тюрьму, Орон возвращается к своему владельцу. Но Васкы неспокоен; он отравляется к своему обезвреженному врагу и предлагает ему за собаку выкуп.

Автор вводит партизан в мир культуры отсталых и нищих людей, которых сделали такими купцы, урядники и пош, да еще заедая их хищник-торгаш, чей тип побородатого Волка.

Тунгусы ждут от партизанцев муку и товаров, но у красных ничего этого нет, и комиссар отряда объясняет: «Я пришел не торговать, а воевать».

Верный принцип художественной правдивости, автор не боится давать временное преимущество классовому врагу, ставя субъективно близких ему героев в невыгодное положение — нагнетать разочарование. Так, первоначально разочаровываются в красных Оленек и Никитчен.

Героический рейд партизан сквозь тайгу и неожиданный исход этого рейда у Аяна раскрывают глаза Оленеке, и он протягивает комиссару Небываю обе руки.

Никитчен, затанцевавшая обиду на красных, из-за которых она потеряла своего среброберстого оленя Суона, внезапно отказывается следовать за Оленеком («Зюкон велит нам жить и умирать в тайге»); впоследствии же включается в общую трудовую семью и произносит: «...Теплее оленьей шкуры одевает меня наш труд».

Впервые увидев партизан, Никитчен говорит отцу: «...Корюшку уже сушишь. Старый Акимов обещал дать нам целую оленку».

ОТКРЫЛСЯ СЪЕЗД ПИСАТЕЛЕЙ УЗБЕКИСТАНА

7 марта открылся съезд советских писателей Узбекистана.

Съезд собрал 138 писателей Ташкента, Бухары, Ферганы, Коканда, Хорезма и др. Прибыли делегации

дый мешок... А Прокофий убил кабаргу, и мы шли мессо... А мужи у нас нет, и нет порсы. Гости твои лишние.

Действительно, появившись в тайге, красные не принесли туземцам товаров. Они принесли только правду, классовую борьбу и организованного коллективного труда.

Они разбудили лебры («Тайга отодвинулась, оставив только пни»). Они поставили лесопильный и консервный заводы; дали туземцам машины, чтобы тем было легче бороться с тайгой; настроили школ и послали по стойбищам врачей лечить цыгу и трахому; научили гилея, как сколотить артель.

Простота, непосредственность, прямота являются характерными персонажами книги. Трогательен Васкы-ги-ляк, при получении партизанской справки: «Сколько стрел? Простые ли пули? Тунгусские машины, не запытавшиеся за право смотреть кино, и потому повернувшиеся к экрану спиной».

Однако книга все же не свободна от стилистических и композиционных «огрехов». Так, не «пружинит», не совсем слажен сюжет: не всегда уверенно и верно звучит диалог.

Но в книге есть отличные по выразительности детали: лезвия охотничьих ножей (во время приручки) ходят у самых губ, «как смывки», море блещет, «как свежий навар на супнице».

Превосходно описана сцена закладки медузы: «...Васкы выпустил только одну стрелу. Она ударила как будто ниже сердца, но медведь вдруг перестал реветь, лобастая голова его упала набок, словно тяжело ему стало смотреть на свою смерть, на мутное солнце, на черные мысы, на близкую тайгу за изабом. Он широко раскинул лапы, свел их, обнял собственную грудь, ломая стрелы, и повис на цепях».

Автором выгодно использовано изображение человеческого материала. Он показал переходку «слезного» человека Октябрьем и сделал это не в упрощенно-плакатном стиле, но искренно, правдиво и с необходимым тактом. В итоге получилось большое социально-воспитательное значение книги о крае сурового холода, согретая дышаньем подлинного творческого таланта.

Братских литератур Таджикистана, Туркмении, Казахстана, Башкирии. Съезд заслушал доклад об итогах перестройки советской литературы Узбекистана (МАДЖИДИ), содоклад о помощи и работе с молодыми писателями (АНКАБАЙ), доклад драматургии Узбекистана (ЗИЯ САИДОВ), выберет руководящие органы и делегатов на всеобщий съезд. Доклад о перестройке литературы Узбекистана сделал председатель Оргкомитета Маджиди.

Съезд получил многочисленные предложения, — в том числе от Всеобщего Оргкомитета, Ленинграда, Азербайджана, Грузии, Каракалпакской Киргизии и др.

К съезду вышел специальный номер газеты «Советская литература Средней Азии», посвященный драматургии, а также журнал «Советская литература народов Средней Азии», краевые республиканские газеты посвящают съезду литературных На-лийх выхлудит из печати альманах «Литературный Узбекистан», сборник посвященный драматургии, «Сборник еврейских, уйгурских писателей, писателей Хорезма, Бухары, Самарканда».

На съезде развернута выставка художественных изданий Госиздата УзССР, Союзга, выставка литературы.

«УЗБЕКИСТАНСКАЯ ПРАВДА»

«ШЕРТ И АЛЕКСЕЙ» ИЛИ «А ГДЕ ЖЕ ВТОРАЯ ЧАСТЬ?»

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

Можно сказать, что это край неопытных работ и неограниченных возможностей для наших писателей.

В бурные годы гражданской войны здесь была нехлопо развнутого подготовительная работа по вопросам художественной литературы.

В 1922 г. появился «Бронепоезд» В. Иванова, в 1926 г. большой успех выпал на долю молодого писателя края — Александра Фалеева, давшего «Разгром». В 1928 г. появился роман В. Кина «По ту сторону», дополнивший первую половину описания гражданской войны в крае. Восстановительный и реконструктивный периоды дают художественные очерки и рассказы о горной, лесной, рыбной промышленности, об индустриализации.

Крепкая газета «Тихоокеанская зорька» в еженедельном приложении напечатала интересный роман (научно-технической фантастикой) тов. Варда «Чудесная трубка» (1928 г.).

Для собирателя советского фольклора на советском Дальнем Востоке неопытны край работы. Красногвардейцы, красные партизаны — хорошие помощники в этом деле.

За последние 2-3 года Дальневосточный край пережил крупные произведения: «Волна и ветер», «Человек бежит по снегу», «Птицы», «Шантарские острова», «Волна и ветер», «Человек бежит по снегу», «Птицы», «Шантарские острова».

Следует отметить, что в последние годы в литературе края наблюдается тенденция к упрощению и схематичности. Это особенно заметно в произведениях молодых писателей.

В Хабаровске в 1932 г. на украинском языке М. Пичугин выпустил поэму «Ранок над Уссури» («Утро

«ШЕРТ И АЛЕКСЕЙ» ИЛИ «А ГДЕ ЖЕ ВТОРАЯ ЧАСТЬ?»

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

Можно сказать, что это край неопытных работ и неограниченных возможностей для наших писателей.

В бурные годы гражданской войны здесь была нехлопо развнутого подготовительная работа по вопросам художественной литературы.

В 1922 г. появился «Бронепоезд» В. Иванова, в 1926 г. большой успех выпал на долю молодого писателя края — Александра Фалеева, давшего «Разгром». В 1928 г. появился роман В. Кина «По ту сторону», дополнивший первую половину описания гражданской войны в крае. Восстановительный и реконструктивный периоды дают художественные очерки и рассказы о горной, лесной, рыбной промышленности, об индустриализации.

Крепкая газета «Тихоокеанская зорька» в еженедельном приложении напечатала интересный роман (научно-технической фантастикой) тов. Варда «Чудесная трубка» (1928 г.).

Для собирателя советского фольклора на советском Дальнем Востоке неопытны край работы. Красногвардейцы, красные партизаны — хорошие помощники в этом деле.

За последние 2-3 года Дальневосточный край пережил крупные произведения: «Волна и ветер», «Человек бежит по снегу», «Птицы», «Шантарские острова», «Волна и ветер», «Человек бежит по снегу», «Птицы», «Шантарские острова».

Следует отметить, что в последние годы в литературе края наблюдается тенденция к упрощению и схематичности. Это особенно заметно в произведениях молодых писателей.

В Хабаровске в 1932 г. на украинском языке М. Пичугин выпустил поэму «Ранок над Уссури» («Утро

«ШЕРТ И АЛЕКСЕЙ» ИЛИ «А ГДЕ ЖЕ ВТОРАЯ ЧАСТЬ?»

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

Можно сказать, что это край неопытных работ и неограниченных возможностей для наших писателей.

В бурные годы гражданской войны здесь была нехлопо развнутого подготовительная работа по вопросам художественной литературы.

В 1922 г. появился «Бронепоезд» В. Иванова, в 1926 г. большой успех выпал на долю молодого писателя края — Александра Фалеева, давшего «Разгром». В 1928 г. появился роман В. Кина «По ту сторону», дополнивший первую половину описания гражданской войны в крае. Восстановительный и реконструктивный периоды дают художественные очерки и рассказы о горной, лесной, рыбной промышленности, об индустриализации.

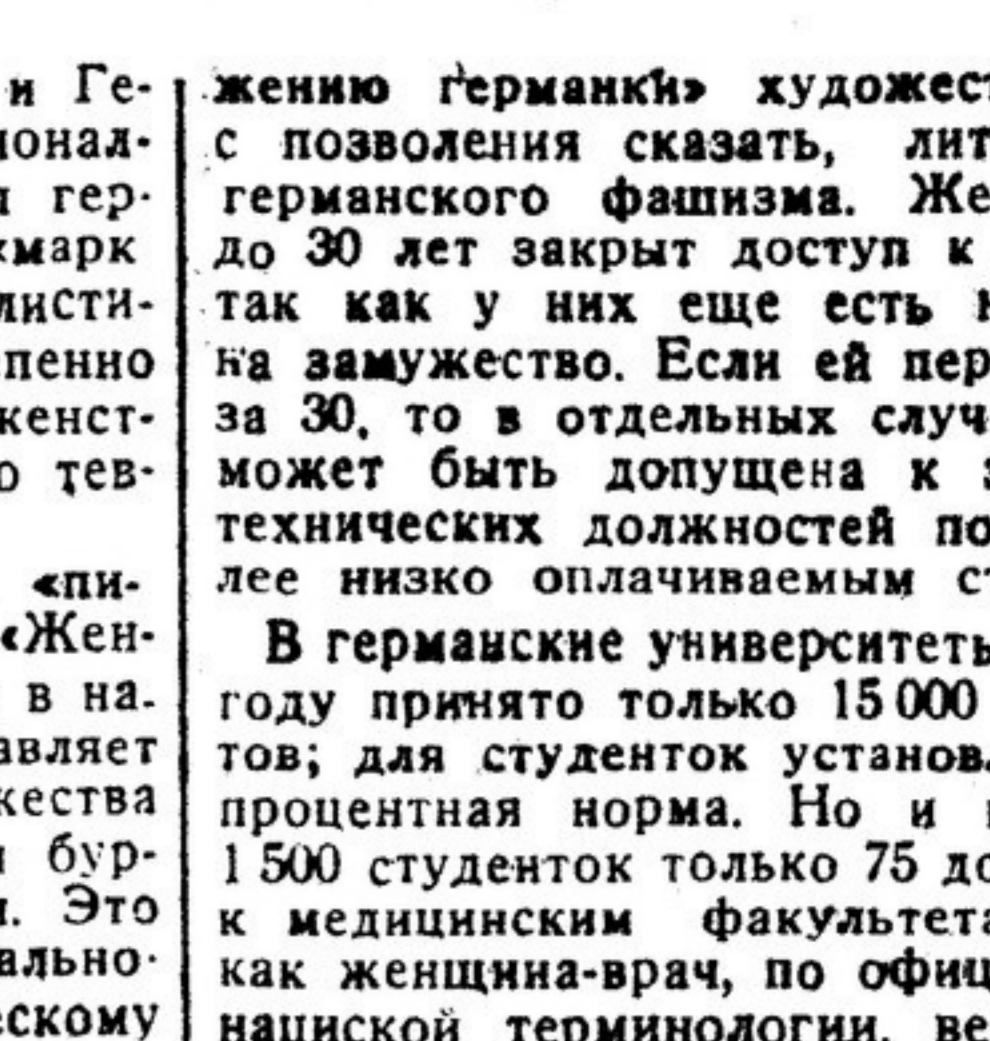
Крепкая газета «Тихоокеанская зорька» в еженедельном приложении напечатала интересный роман (научно-технической фантастикой) тов. Варда «Чудесная трубка» (1928 г.).

Для собирателя советского фольклора на советском Дальнем Востоке неопытны край работы. Красногвардейцы, красные партизаны — хорошие помощники в этом деле.

За последние 2-3 года Дальневосточный край пережил крупные произведения: «Волна и ветер», «Человек бежит по снегу», «Птицы», «Шантарские острова», «Волна и ветер», «Человек бежит по снегу», «Птицы», «Шантарские острова».

Следует отметить, что в последние годы в литературе края наблюдается тенденция к упрощению и схематичности. Это особенно заметно в произведениях молодых писателей.

В Хабаровске в 1932 г. на украинском языке М. Пичугин выпустил поэму «Ранок над Уссури» («Утро

«ШЕРТ И АЛЕКСЕЙ» ИЛИ «А ГДЕ ЖЕ ВТОРАЯ ЧАСТЬ?»

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

Можно сказать, что это край неопытных работ и неограниченных возможностей для наших писателей.

В бурные годы гражданской войны здесь была нехлопо развнутого подготовительная работа по вопросам художественной литературы.

В 1922 г. появился «Бронепоезд» В. Иванова, в 1926 г. большой успех выпал на долю молодого писателя края — Александра Фалеева, давшего «Разгром». В 1928 г. появился роман В. Кина «По ту сторону», дополнивший первую половину описания гражданской войны в крае. Восстановительный и реконструктивный периоды дают художественные очерки и рассказы о горной, лесной, рыбной промышленности, об индустриализации.

Крепкая газета «Тихоокеанская зорька» в еженедельном приложении напечатала интересный роман (научно-технической фантастикой) тов. Варда «Чудесная трубка» (1928 г.).

Для собирателя советского фольклора на советском Дальнем Востоке неопытны край работы. Красногвардейцы, красные партизаны — хорошие помощники в этом деле.

За последние 2-3 года Дальневосточный край пережил крупные произведения: «Волна и ветер», «Человек бежит по снегу», «Птицы», «Шантарские острова», «Волна и ветер», «Человек бежит по снегу», «Птицы», «Шантарские острова».

Следует отметить, что в последние годы в литературе края наблюдается тенденция к упрощению и схематичности. Это особенно заметно в произведениях молодых писателей.

В Хабаровске в 1932 г. на украинском языке М. Пичугин выпустил поэму «Ранок над Уссури» («Утро

„ЧРЕЗ ПАФОС...“

„УГРОМ - РЕКА“ В. ШИШКОВА

Г. МУНБЛИТ

Изложил на тысяче с лишним страниц историю сибирского золотопромышленника Прохора Громова, описав по возможности живописнее дикую, пьяную и грязную его жизнь. Вяч. Шинков заключает свой роман такими строками:

«...Вся в негодующей пене, жизнь-река бешеным бегом промчит через пышный гом мирного безумия и в конце время спустя, обогранный заревом, — через пафос народных востангий, чрез стихию незамыслимой борьбы».

И чудится нетерпеливому сердцу, что дальше и дальше минают эти сроки истории, освобождая, война, она понесет свои воды в страну вечного мира и правды, в страну голубую, где безраздельно будет царить человечество».

Откуда эти слова? Эти «чрез», этот «пафос народных востангий», эта «голубая страна»?

Отвечать прямо. Из сознания, не отягченного размышлениями о происхождении, из словаря либеральных литераторов «доброго старого времени», на обиход нравившихся всегда в революцию стареющих дам.

Основанием и поводом для этого утверждения служат не только приведенный отрывок.

Вся реализм и мисерердия дама, энергично и не без успеха противодействующая мужу в его хищнических и утилитарных тенденциях. Следует добавить, что совершает она добрые свои деяния, поддерживаемая, с одной стороны, революционно настроенным инженером, а с другой — просвещенным попом.

Инженер (фамилия его Протасов) в свою очередь связан группой безликих революционеров-рабочих, по временам собирающихся под покровом ночной темноты для изучения классиков марксизма.

Кроме того в романе действует совет уж великий масса тупых, добрых рабочих, называемые кои — «стада», иногда бесмысленно погибая под пулями стражников.

И, наконец, грозный мститель — беглый каторжник Ибрагим — традиционный благородный разбойник, милостивый к бедным и беспощадный к богачам.

Прохор Громов формулирует свою программу коротко и просто: «...давать рабочим минимум, брать от них максимум». В состоянии аффекта он излагает ту же программу еще откровеннее: «Собрав колдовым плетью вставлю жрать падаля, а недовольных выпившу вон».

Сестра Кабулюков — представляет наиболее просвещенной части рабочих — в разговоре с Протасовым намечает следующий план действий: «Ежели мужик с солдатами — наши, тогда и царь наш бундет. И тогда, значит, всю биржевую берн голой рукой. Царя, значит, благославляя, по боку и все так прочее точно подобно».

Из дальнейшей беседы выясняется точка зрения на вещи Протасова: «А сколько же вас таких веселых донот срисия Протасов».

«О-о-о!... — дружно, взахлеб закричали рабочие. — На таких — как грязь! Вот сколько. Хошь отбавляю».

— Нас, таких... чтобы сознательных, — ликующим голосом сказал Кабулюков и облегченно сплонул. — Нас таких здесь полди сотни три, а то и пять».

Протасову приятно было сознавать, что политическая пропаганда среди рабочих приносит свои плоды, в то же время революционной разбер пролетарской мысли к овладению свободой ему показались слишком преждевременными (стр. 385).

Не будем комментировать стремление сознательного рабочего привлечь на свою сторону вместе с мужиком и солдатом царя, которое автор излагает с неумением автора изложить мысль его персонажа, его любовно подчеркнутую автором манеру сплевывать и произносить слово «буржуазия», образное сравнение массы ему подобной с грязью, все эти тщательно выписанные «хошь», «здесь», и встречающиеся дальше «антиреспек», «сподлический», «штрикборкеры» вместо «штрейкбрехеры» и т. д. и т. п.

Обратим лишь внимание на предельно упрощенное приращенных высказываний и попытке проследить их связь с внутренним содержанием образов романа, с их художественной плотью.

Начнем с фигуры Прохора Громова. Этот хищник и угнетатель выглядит в романе неизменно величественным, красивым и гордым. Автор не щадит слов на описание разноразмерности красок своего героя.

Вот он в минуту смертельной опасности, в плену у лейтенанта Ибрагима: «Прохор откинул голову и влажной виском и лбом, безумным величием в позе и в взгляде, подала в круглом рожке» (стр. 406).

Или у себя в кабинете в момент гибели всех его планов: «В это время Прохор Петрович скрепящими на груди руками, с поникшей головой окаменело стоял босиком среди кабинета в мрачной задумчивости, как сфинкс в пустыне» (стр. 502).

Отграничим эти примеры. Вина их автора, что величие его героя несколько условно? Думается, что нет, а беда — то хотел похвалиться. И вот на это стремление мы обращаем внимание читателей.

Не менее красивой выглядит в романе и Нина, жена Прохора. Утонченная эта страдалка, судя по авторским комментариям, должна служить ему для разоблачения буржуазного либерализма. Но, вопреки, деятельность ее в романе неизбежно благотворна и могущественна, а во-вторых, самая ее фигура способна вызвать симпатии читателей. Правда, этому иногда мешают ее манера выражать свои мысли, но это опять не вина, а беда автора.

Нежная женщина томится в грубых руках мужа и сообщает ему об этом в следующих изысканных выражениях: «Ты слишком захватил меня своими жесткими руками. Все мое сердце и вся я — в мозолях» (стр. 313).

Несомненно заметит — ирония здесь откровенно, а вот здесь сделать крапивою. Ирония — это не критика, а критика — это не ирония.

Красив в романе и инженер Протасов, о котором сообщается что «...давнишний революционер, ярый защитник трудящихся от гнета капитала, он наперекор убеждениям все-таки верой и правдой служит алчному эксплуататору».

По замыслу — фигура отрицательная. Но мужественен, великодушен, благороден. И до последней степени привлекателен внешне.

Остается сказать несколько слов еще об одном «разоблаченном» автором персонаже, об отце Александра — правой руке Нины в ее благодеяниях.

Этот просвещенный священнослужитель в романе В. Шинкова неизменно благодетель и мудр. После расстрела рабочих в отличие от собрата своего — отца Ипата, потрясенного злодеяниями правительства и разбитого параличом, — активно выступает на защиту рабочих. Внешне весьма благообразен и внушительен.

Что касается фигур угнетаемых, то они в отличие от угнетателей больше родны в романе не иронии. Они — как бы приложения злодеяний, благоверительности и пропаганды. Но (подобно геометрическому своему выражению) места в пространстве романа они не занимают. И, что особенно странно, все они нарочито непривлекательны. Они грязны, туповаты, склонны к пьянству, — выпив, бунтуют. Они гонят, рьяножат, чувствуют, дерутся. Они смеются коверкая слова. А лучшие из них верно служат хозяевам.

Таков Тихон — камердинер Громова, Федор Кукушкин — лавный губернатор, так же тихие и мудрые старик рабочие.

Мы далеки от мысли, что автор на стороне «угнетателей». Слишком явственно его резонирующая роль в романе. Слишком отчетливы его отступления и комментарии.

По роман свой он посвятит «угнетателям». А все, что он описывает пространно, повидимому, против его воли, выглядит у него чуждыми и вычурными. Пространно описаны у него купцы, генералы, попы и промышленники. Они — герои романа. И кому как не героям, им быть отада вся сила выразительных средств писателя. Потому что сделать непривлекательным героя большого романа — одна из труднейших задач. И В. Шинкову на его уровне творческих достижений эта задача была не под силу. Отсюда красивые хищники и

бездликие жертвы. Отсюда, быть может, несмотря на бедную старинную (а они в романе беспорядочны), — стараниями Громова преступным, безумным, разнузданным и отвратительным. Нишу — слепой и бессильной, Протасова — безвольным и нечестным, отца Александра — слепым и лживым, — все они вопреки намерению автора вызывают симпатию читателей.

Но всего поразительнее то, что материал, избранный В. Шинковым, в какой мере не определял глагольства в романе образов «угнетателей».

Материал этот — и это полнейшая неожиданность для читателей, начинающих понимать, о чем идет речь, в середине второго тома — денский расстрел.

После описания расстрела рабочих на приске Громова автор покидает свой замысел в направлении безвольных и неразумительных комментариев.

«Крепла крупная перекачка труда с капиталом. Рабочие всюду держали, всюду готовили мятежные знамя востангий — красный сигнал революции».

«И, стало быть, фраза «Так было, так будет» повисла на ничтожеско-исторической тупости и реакционном своем воплощении».

В качестве отличительной особенности романа следует отметить вопиющую его безвольность. О собственном языковой манере автора мы скажем несколько слов в заключении. Сейчас же следует упомянуть о поразительной склонности автора к смакованию всяческих мерзостей, монстров и ужасов. Социальность стариков с молодыми, женщины, изнемогающие от похоти, истязание людей и животных, страшно изуродованные трупы — это находки в Шинкова, девственного и тщательного живописателя. Сколько творческой энергии потрачено на устрашение, на желание вызвать ужас и омерзение, на стремление «все показать».

Говоря о безвольности романа, нельзя не упомянуть о шутках, шедрой рукой в нем рассыпанных. Все эти иронические наименования, отступления и реплики, с трудом придуманные и неслезные, ничего кроме невольности и недомыслия не вызывают. Ибо, например, стоит фигура Ипата — провинциала Сохатых, все его проделки и странности, сочиненные немудло и грубо, или ирония автора в рассказе о попе Ипате, который видимо «для смеху», он заставляет повторить в романе добрую тысячу раз приказу: «Зело

борзо». Но все упомянутые особенности манеры В. Шинкова блещают перед его языком.

Борзо упомянуть читателей, мы ограничим перечень примечательных оборотов и слов, имеющихся в романе.

«Лицо ее покрыла густая умячка» (стр. 301). «Он весь жиненно вытек» (стр. 281). «Рабочие сразу почувствовали, что в их жинень вторилось нечто, как в отрожек слепой кишки газоды» (стр. 201). «Мысль Протасова заработала вскачь, вспотычу, его лоб покрылся морщинами, в поволодах глазах отразилось душевное напряжение» (стр. 155). «Ипаденка отключил возница и себя вторую рожку» (стр. 120). «Отец сохратился, затрясся в скрипящем смехе, ему навальну вторья скрипящая кровать» (стр. 318). «Глаза Прохора испутились, стали вилить от картуса к выходной двери» (стр. 388). «Техник, потряхивая отвислыми щеками, став привидеть резонанс» (стр. 383).

Описывая гибель Громова, вырвавшегося из окна В. Шинкова, сочетая иронию с натурализмом, сообщает:

«...Мозг его, этот бахвальный обжирал, разбился весь всмятку и, описав трагический прыжок шлепнулся в волны. И там был тотчас проглотен прожорливой рыбиной».

В. Шинков пишет «скороголотула», вместо «проскрежетала», «ступя» вместо «поступа», «вычирнул зажагажку», вместо «зажег зажагажку», «ободнвалишь» вместо «вразжижить», «ободнвалишь» вместо «осеребришь», «мекаем» вместо «кумекаем».

Но не все можно процитировать. Нельзя сочетания фраз, причудливая смесь «высказываний» и беспомощности, окрывающая язык книги, не всегда достаточно законны.

Существенно же во всем этом то, что все — от взгляда на вещи до выбора и расстановки слов — является результатом сложения, приемов и средств, весь этот единый организм, состоящий из героев, композиция, пейзажа, образной системы, диалога, эпитетов и синтаксиса — это выражение целостного мировоззрения, мировоззрения писателя, далекого от всего, что происходит сейчас в нашей стране, и поэтому лирично способностью видеть и изображать нашу действительность и наше прошлое так, как это улетается писателем, перешагивая «через пафос народных востангий» и уловившим существо пролетарской революции.

Национал-социалистка София Ротте-Барнер вынуждена была возмущением и недовольным извод выступить с официальной критикой политической линии нацистского руководства в «женском вопросе». Она требует возврата женщин к политике, к профессиональной производственной деятельности, к социальным профессиям. Она даже осмелилась взять под сомнение теорию о предопределенности германской женщины роковой только голубоглазых и белокурых детей от расово проверенных штурмовиков. Гебельс не решился закрыть рот открытому буржуазному выступлению Софии Ротте-Барнер против самых святых устоев расовой теории.

Каждая общественная историческая формирования имеет свою «культуру» женщины. При феодальном режиме это были сомнительные, по романтизму турби

НОВАЯ КНИГА ДЖЕМСА ФАРРЕЛЯ

Американская критика отмечает новую книгу Джемса Фарреля «Юношество Сторса Лонгана».

КАК ОНИ РЕАГИРУЮТ

Во Франции появились еще один журнал, пытающийся громкими, но малограмотными фразами прикрыть свою фашистскую сущность.

ЦИТАТА

«Чтобы заткнуть глотку паршивому жижу Леви Фелдманеру, надо было бы арестовать его брата Мартина в Галле. Долой сентиментальные церемонии. Еврейский вопрос не может быть разрешен без применения к нему грубого насилия и физического уничтожения».

Мигула, начальник цеха алюминия.

Давуд, Игнатий Денисович. Пешехонец его «примешки», Хауст Христина Галамея.

Лантев, «почти темный получеловек», пронырливый заводничек в столовую блюминга и протачивший туду «примешки».

Подковой вдоль стен стола, попрыгивая белыми скатертями, на полу в громадных кадках искусственные пальмы.

Косматый (поэт): В подневный жар в долине Дагестана С свином в груди лежал недвижно я, даке и дымящаяся рана, Глубокая во мне дымящаяся рана, По капле кровь сочилась моя.

Первый прокатчик. Чересчур пронырливо берешь, ниже братишко. Второй прокатчик. Если брать, так брать повыше. У нас слободские всегда в песне повыше берут.

Третий прокатчик. Пускай он в свою линию продолжает. Первый. Какая ж тут линия, когда надо ниже брать? Хауст (выходит на середину, лениво и презрительно). Второе подавать, что ли? Первый. Обождай!

Третий. Раз он начал петь, пускай доплет. Хауст. Непонятные вы какие-то! Ну, дерет глотку и дерет. Диви бы деньги у него упрями.

Косматый (истеричливо). Разрешите трель пустить? Сейчас ловкая трель будет. Все. Пускай, пускай! Первый (кивая на косматого певца). Вот он, общественик. Другие

ГНЕВИРАДОСТЬ

ЗАПИСИ В ЧИТАТЕЛЬСКОМ ДНЕВНИКЕ

Я пережил, несомненно, сильное ощущение, прочитав подряд, в один прием, двенадцать номеров журнала «Тридцать дней» — комплект за 1933 г. — и остановившись с особым вниманием на двадцати шести коротких рассказах-новеллах, имеющихся в этом комплекте.

То было ощущение недовольства, неудовлетворенности, пожалуй, даже злобы. И если бы все я дневник моего чтения, выглядел бы он приблизительно так:

Ну, хорошо, А. Дроздов, довольно известный и, несомненно, квалифицированный писатель, в рассказе своем «Последняя проба» (10) рассказывает мне о том, как пьянчужка-рабочий несмотря на то, что он пьянчужка, не потерял своего классового облика и разоблачил своего бригадира, карьериста и лжедурмана. Я не спорю, бывали, и много раз, подобные случаи, и весьма показательны, характерны они. Но почему считает своим писательским долгом Дроздов рассказывать об этом случае с такими необузданными стилистическими надрывом?

«За окном на дороге, лежали заборы, в них хорошево пылали жаб, обидные с Предковоя дедушки, обидные с Предковоя дедушки, и почему хорошево пылали жаб, а не «старей испуганный птвич». Банально? Согласен. Но почему стало банальным второе упоминание? Очевидно, потому что оно часто повторялось. А часто повторялось, конечно, потому что оправдано очевидной своей сюжетностью. Что же делает Дроздов, убеждая от банальности? Придумывает «оригинальное», ничем не оправданное, никого не убеждающее сравнение. Или не придумывает — просто под перо поплывет?

«Чужие бригады оголили кощес, — плоским, раскатанным на собрании гололицком закричал Брызнов». «Потянулся за Скойбой» — свела лопатки на унженской спине. «Задняя мысль стояла как прут в рассверленной его душе». «Он шел назад разболтанной, какой-то рыдающей походкой».

Походка — рыдающая; спина — унженная; лутя — рассверленная; голос — раскатанный. Эти неужели — признаки существования реальных и определенных должных, по мысли автора, обеспечить оригинальность стиля.

И тут же, на тех же столах: «Каждый мотор был победой сложных усилий людей, и каждая машина была частью великого плана, называемого вторым пятилетним строитель». «Завод... работал над тем... чтобы воздух над страной нашей был покорен человеку и служил его созидательной воле».

Дроздов, конечно, знает, что такое вот стиль — стиль плохой, банальный, публицистический. Так почему же разрешает он себе выдвигать банальность в публицистическом, так сказать, разделе своего рассказа и стремится быть таким изощренным выдумщиком в

художественной его части? Почему он оторвал свой рассказ в плане этакого «концерт-минута» с официальной и художественной частью? Какая-то тут вопиющая несообразность.

Что думает об этой несообразности Татьяна Тэсс, начинающая беллетристка, первый как будто рассказ которой «Бетховен» прочла я в № 11-12 «Тридцати дней».

«Затылок упрямый, как чорт», «Плевались, как ищеры», «Старик с лицом молодого Саваоара», «Лужавый дождик, переминющийся с ноги на ногу», «Виолончель, азырающая, как женщина», «Плецо, округлое, как перила», «Огромный и красивый, как бог пустыни», «Запах сна и теплоты дуг на нее, как ветер».

По какому поводу понадобилась эта эффектная мобилизация изощренных сравнений? Для того чтобы рассказать заплывший случай о том, как некое племя кочевников стало работать на некоей стройке в Средней Азии лишь тогда, когда попал на стройку оркестр, исполняющий «Героическую симфонию» Бетховена. Ну, случай, будем говорить, такой же неправдоподобный и условный, как неправдоподобны и условны все эти «как» мобилизованные на этот случай. Тут полная гармония живых условностей стилистических и тематических. Эффектная гармония флаши. И снова я недоумую: зачем это нужно?

Никак не разрешит недоумания А. Зотов, автор новеллы «Самолет № 67» (№ 2-3). Ибо его высокоморальный рассказ о детстве, который авторы после едва не случившейся аварии, что бахвальство и молодечество — плохие качества для детвчца, может породить лишь новое недоумание. Случись такой случай о нем, несомненно, нужно было написать в стелгазете данной авиачасты. Можно было бы и «художественно» написать, т. е. с описанием пейзажей и психологического состояния детвчца. Но от этого не стала бы заметка рассказом, художественным произведением, наделенным некоей познавательной-эстетической ценностью. Претендует ли на такую ценность то, что написал А. Зотов? Дроздов, например, и Тэсс — они претендуют, один — стилем, другая — стилем и темой. Но Зотов как будто и не претендует — очень уж он бесхитростно и прямолинейно пишет. Пусть простит А. Зотов, но насколько несено мне: зачем он пишет?

Этот вопрос не встанет в отношении рассказа А. Гарри «Король отряса» (№ 4). Умение писать, несомненно, есть в этом рассказе. Но поверить этому рассказу — рассказу о том, как один американский «домашний король», попавший на советскую стройку в качестве консультанта, застрелился оттого, что в Америке кризис, а большевики — «Эти свиньи, они-таки взяли свои дома» — весьма трудно. В деталях своих этот рассказ очень вероятен, а в целом — максимально неправдоподобен. И проксимал так, быть может, потому, что целиком читатель рассказ. Сделан из сюжетных и стилистических штампов, готовых частей, хорошо известных деталей. Нет творчества в рассказе. А, стало быть, нет и правды.

Ибо выдумка, ибо знание материала, даже самого экзотического, не заменит творчества. С какой настойчивостью хочется повторить этот трюизм после того, как прочтешь новеллу М. Ромма «Лучшие супы Кюорре» (№ 7). Да, бесспорно, Ромм знаком с материалом глубокого Севера и умеет выдумать сюжетные сцены. «Жанн после смерти» (№ 6) — прекрасный образец еврейский материал, неплохо подражает Бабелю и не боится сложного сюжета; Т. Грин — «Смерть Черена» (№ 7) — изучил дальновоеточный материал и умеет с некоей «кокетливой» остротой рассказать вполне корректно. Эти рассказы не возбуждают недоумения, вопросов, от которых не удерживаются, когда читаешь Тэсс, Зотова, Дроздова, Гарри... Но тревожит вопрос эти три новеллы возмущают Ромма как и четвертый из этой группы «экзотический» И. Рахтанов, основанный в новелле «Книжники» (№ 7) азиатский материал, как и пятый в группе С. Безбородов, завывающий в рассказе «Потомки» (№ 1) кавказский экзотический фокус. В рассказе «Потомки» вопрос о том, насколько фактография плюс публицистика заменит литературу. Вопрос о том, насколько среднего уровня техника сюжетостроения и среднего качества стилистическая грамотность заменит писателю собственный его вопрос о том, в какой мере актуарно-притачная к сюжету рассказа идеология может заменить творческое освоение темы. Тем тревожит все эти вопросы, что более или менее благополучно все эти рассказы. И если чувством благополучия живит сами авторы рассказов — это именно пугает. Ибо там, где кончается состояние безмятежного благополучия, — там только начинается углубление писателя процесс творчества. Не может быть пиетеро и не хотят быть подлинными писателями? Может быть, удовлетворены они тем, что грамотно рассказали некие истории? Может быть?

Кто ж усомнится, что есть свой писательский почерк — и очень разбичный — у М. Зощенко («Испытание героев», № 1). Есть он, пожалуй, у В. Инбер («Романтика», № 8), отчасти у П. Саянова («Чужая жизнь», № 10), отчасти у П. Слей

това («Окурки», № 8). Повидимому, у Л. Первомайского («История мира», № 9) и — при известной скромности — у П. Ножеванко («Каюта», № 10).

Нужно подгадать, несхожие почерки у этих шести, и, однако, представляется возможным объединить их в некую единую группу. Правда, на первый взгляд объединение идет по отрицательному признаку. В отличие от группы «экзотиков» очень трудно рассказывать краткие сюжеты, шести рассказов этой группы. Пришлось бы переизобрести рассказы. Очевидно, потому, что сюжет, а также и центральная их проблема не существуют самостоятельно в них: они тесно переплетены со стилем, с методом подачи.

Но ведь точно так же невозможно рассказать сюжет и проблему анекдота, поскольку не рассказываешь самый анекдот. Отличительный признак анекдота — словесный фокус. И литературный анекдот является рассказом с упором на «почерк», стилистические особенности, в конечном счете, — на стилистический фокус.

Жанр анекдота не схож у всех шестьерых. У Зощенко — наивно-инфантильный; у Инбер — кокетливый, лирико-сентиментальный; у Первомайского — такой же, с отменным шлампасти; у Саянова — густо-бытовой; с говорком; у Саянова — иррациональный, с жирно подчеркнутой моралью; у Кожевникова — зощенковский жанр, с уклоном в гротеск. Жанры разнообразны, но принципиальная установка на «творимый» анекдот, зановка на «творимый» оформление мейнштрим творческое оформление такой живой, обильной, и настоящей чужей жизни — одинаковы у всех шестьерых. И одним из главных выразителей печати, крепко прилепленной к шести этим рассказам; печать несерьезности, пустяковости, случайности и хлопотливой развлекательности. Это печальная печать.

Значит, одного своего почерка еще мало. Хочется, чтоб своим почерком были написаны какие-то свои слова; и непременно — серьезные, волнующие, значительные слова: серьезные, волнующие и значительные раньше всего для самого автора. Это требование, obviously, является характером всей нашей советской культуры, особенно в отношении писателя, повести, романа. Разве какими-нибудь льготами в этом случае может пользоваться советский короткий рассказ? Кто из авторов «Тридцати дней» во-удлинение потребует такой льготы? Но ведь все они все вышеперечисленные, претендуют на нее — стихотворцы, такком, не желая или не умея и себе в этом признаться.

А остальные? Если А. Гарри, например, может сказать, что в рассказе «Песок» № 2-3 он просто дал художественную зарисовку эпизода граждан-

ской войны; если на то же может сослаться А. Мирер, рассказ которого «Груня Гой» (№ 2-3) носит подзаголовок «Затяная со слона», если А. Миронен («Суд», № 9) укажет, что он пытался в своем рассказе освоить жанр научной тематикой, — очень труден этот жанр, и очень беден язык Миронен, — то что скажут Л. Соловьев («Там, где ничего не было», № 1), А. Эрбелев («Император», № 2-3), В. Лебел («Из архива купца Беренки», № 5), С. Малашикин («Гонимый», № 6)?

Должны будут признаться, что они, как и те, о которых выше шла речь, этой льготой со всей настойчивостью требуют. Требует Малашикин, настаивающий, однако, на пустяках, на элементарной и для 15-летнего пионера. Требует Лебел, собравший в форму рассказа претенциозно стилизованные провинциальные анекдоты неясных времен. Требует Эрбелев, выдумавший вполне невероятное, но чрезвычайно моральное происшествие насчет перерожденного актера. Требует Соловьев, бойко рассказавший, какие забавные случаи бываю в провинции... Требуют этой льготы авторы всех упоминаемых мною рассказов, рассказов, в которых так много грубого публицистического, дешево приобретенного экзотического, элементарного и неестественного стилизованного языка, тщательного обессаженного анекдота — и так мало творческой правды писательского желания увидеть под-настоящему прекрасную и волнующую мир, серьезной авторской ответственности, так мало чувства ответственности, так необходимых именно в наши дни для того, кто берется за перо.

И думаю, мне, что не в недостатке техники, умения, этих качеств внешних признаков таланта, тут дело, именно в чувстве серьезной ответственности за свое слово, за мировоззрение свое. Людей, в которых пишешь, нужно любить или ненавидеть — по-настоящему, первой любовью или ненавистью; мировоззрение нужно звать темой, которую жить. И только тогда и приязненно объективных писательских данных получатся рассказы, которыми веришь, как веришь рассказам Урны («Хата», № 8), Л. Кассля («Сучки чародея», № 5) и К. Паустовского («Озерная война», № 1, «Смерть синицальника», № 2-3, «Соранг», «Тост» № 11-12).

Статья эта названа «Гнев и радость». Эти чувства вызваны любовью и хорошими рассказами, напечатанными в двенадцати номерах «30 дней».

«30 дней» — единственный пока журнал, строящийся на новелле, маленьком рассказе. Следует пожелать ему, чтобы он не только печатал новеллы, но и по-настоящему работал над их совершенствованием. М. ЛЕВИДОВ.

И. Черкасов «БОРЬБА ЗА ВОЛГУ»

Важность этой умело обработанной литератором Костеринским книги не только в том, что автор увлекательно повествует о своих горьких солдатских годах, о турецком фронте, развале армии и гражданском фронте на Волге. Черкасов рассказывает, как он с радостью принял мобилизацию в перскую армию, повел в то, что война помогла ему и его семье уйти от бедности. На турецком фронте Черкасов и его товарищи после чаяний и блужданий приходят к большевистским выводам — кончат войну.

Черкасов очень правдиво показал гнилушу и мерзкую среду русского командования, распад армии, рост недовольства в рядах солдат. «Прогрессовые ноги в мир», автор приехал в свой родной город

и думает, мне, что не в недостатке техники, умения, этих качеств внешних признаков таланта, тут дело, именно в чувстве серьезной ответственности за свое слово, за мировоззрение свое. Людей, в которых пишешь, нужно любить или ненавидеть — по-настоящему, первой любовью или ненавистью; мировоззрение нужно звать темой, которую жить. И только тогда и приязненно объективных писательских данных получатся рассказы, которыми веришь, как веришь рассказам Урны («Хата», № 8), Л. Кассля («Сучки чародея», № 5) и К. Паустовского («Озерная война», № 1, «Смерть синицальника», № 2-3, «Соранг», «Тост» № 11-12).

Статья эта названа «Гнев и радость». Эти чувства вызваны любовью и хорошими рассказами, напечатанными в двенадцати номерах «30 дней».

«30 дней» — единственный пока журнал, строящийся на новелле, маленьком рассказе. Следует пожелать ему, чтобы он не только печатал новеллы, но и по-настоящему работал над их совершенствованием. М. ЛЕВИДОВ.

Хвалынский, который волею революции стал одним из очень важных стратегических пунктов во время ожесточенной борьбы за Волгу. Автор завертел время. Черкасов, может быть, сам того не сознавая, убедительно показал закономерность втягивания его, солдата бывшей перской армии, в гражданскую войну.

На конкретный пример Черкасов показал, как бывшие «нижние чины» — матросы, пехотинцы и артиллеристы — в боях, в степях учились искусству руководства. Мечта Черкасова о светлой и радостной жизни получила другое направление.

Записки партизана Черкасова — биография типичная для миллионов ушедших в советской системе свое спасение, свое будущее в простую ипационную войну. Для этой глубоко общественной и предельно интимной книги надо было найти равновесие по качеству рисунки не противоречащие мужественной правде записок партизана Черкасова. Они не явлены М. К.

МТП, 1934 г., тир. 5200, стр. 285, с 2 руб.

КНИГИ

И. Черкасов «БОРЬБА ЗА ВОЛГУ»

Важность этой умело обработанной литератором Костеринским книги не только в том, что автор увлекательно повествует о своих горьких солдатских годах, о турецком фронте, развале армии и гражданском фронте на Волге. Черкасов рассказывает, как он с радостью принял мобилизацию в перскую армию, повел в то, что война помогла ему и его семье уйти от бедности. На турецком фронте Черкасов и его товарищи после чаяний и блужданий приходят к большевистским выводам — кончат войну.

Черкасов очень правдиво показал гнилушу и мерзкую среду русского командования, распад армии, рост недовольства в рядах солдат. «Прогрессовые ноги в мир», автор приехал в свой родной город

и думает, мне, что не в недостатке техники, умения, этих качеств внешних признаков таланта, тут дело, именно в чувстве серьезной ответственности за свое слово, за мировоззрение свое. Людей, в которых пишешь, нужно любить или ненавидеть — по-настоящему, первой любовью или ненавистью; мировоззрение нужно звать темой, которую жить. И только тогда и приязненно объективных писательских данных получатся рассказы, которыми веришь, как веришь рассказам Урны («Хата», № 8), Л. Кассля («Сучки чародея», № 5) и К. Паустовского («Озерная война», № 1, «Смерть синицальника», № 2-3, «Соранг», «Тост» № 11-12).

Статья эта названа «Гнев и радость». Эти чувства вызваны любовью и хорошими рассказами, напечатанными в двенадцати номерах «30 дней».

«30 дней» — единственный пока журнал, строящийся на новелле, маленьком рассказе. Следует пожелать ему, чтобы он не только печатал новеллы, но и по-настоящему работал над их совершенствованием. М. ЛЕВИДОВ.

Хвалынский, который волею революции стал одним из очень важных стратегических пунктов во время ожесточенной борьбы за Волгу. Автор завертел время. Черкасов, может быть, сам того не сознавая, убедительно показал закономерность втягивания его, солдата бывшей перской армии, в гражданскую войну.

На конкретный пример Черкасов показал, как бывшие «нижние чины» — матросы, пехотинцы и артиллеристы — в боях, в степях учились искусству руководства. Мечта Черкасова о светлой и радостной жизни получила другое направление.

Записки партизана Черкасова — биография типичная для миллионов ушедших в советской системе свое спасение, свое будущее в простую ипационную войну. Для этой глубоко общественной и предельно интимной книги надо было найти равновесие по качеству рисунки не противоречащие мужественной правде записок партизана Черкасова. Они не явлены М. К.

МТП, 1934 г., тир. 5200, стр. 285, с 2 руб.

ПОЛЕ И ДОРОГА

ВСЕВОЛОД ИВАНОВ Отыск и пьесы Сцена в столовой цеха алюминия

ловы и разойдемся долой от блюминга. Мигула. Взялись мы за работу крепко, теперь нам не разойтись. Лантев. Где им разойтись. Никифор Яковлевич. Они вот перное блюдо три часа едят. Им очень обидно: блюминг, гордость страны — и вдруг простой! Иные вообще сомневаются, что чем так катать, то лучше совсем не катать. И ведь если, по-человечески рассуждая...

Мигула. Нечего на человечество грустность свою сваливать! (Ушел.) Лантев. Крупный производительник, а все-таки вроде как растерялся. И действительно, не вижу подхода к мартевовскому цеху. А ведь у Мигулы собственная жена работает в мартеве. Лучшая ин-формация, можно сказать. Да-с, жена женой, а неумение неумение.

Первый. Гордая машина, она неумения не переносит. Второй. Жена, что ли? Первый. Да нет, блюминг. Давуд (к Рыжому). Иван Григорьевич, чего же ты обелать устрелю? Да ты понимаешь, свином-то на площади стоит. Это ж демонстрация.

Рыжий. Ничего, не замерзнут. Весна. А свиный весну любит. Давуд. Ну что мне с ним делать? Смотрите все! Лантев. А вы как будто, Игнатий Денисович, свиной усновивши. Пусть он вам бумажку даст, — исчертывающие, мол, причины, впускать свиного некуда.

Давуд (показывает бумажку). Да вот она бумажка. Лантев. Страдали вы о человеке, а тут вдруг о свином. Очень даже унизительно. Косматый. Разрешите? (Все усаживаются.) Первый. Начинать сначала. Но только ниже беру.

Косматый. Да, сначала, пожалуй, начну. Я понимаю воздействие искусства. Несмотря на все волнения, я чувствую вдохновение. (К пиянстке.) Прощу! (Пиянстка качается, играет, но за спиной слышны крики, пение, гармошка.) Второй (выглядывая в окно). Эка! Мартеновички идут!

Все. Ого, выжили! Первый. Воздействовала? Второй. Закрой двери, не пускай их, специалистов, не допустим их в нашу столовую. (Распахивается дверь, вкатывается толпа мартевовщиков. Три гармониста, за ними несколько человек галчат мартевовскую серую черепашу из фанеры. Задние ряды поют, передние молча и сурово разворачивают громадный зеленый плакат, по которому белым написано: «Позор склочникам из блюминга, а не нам». Прокатчики хохочут.)

Первый прокатчик. Ниже берите, очень внизу много! Второй. Черепаша-то посмотрела на таких работников и со стыда слохла, ишь голову-то свернула, бедненькая. Третий. Мы еще над нашим цехом улитку придем величайшей из вагонов. (Хохот.) Первый мартевовщик. Шестнадцать лет на производстве, ото всего шестнадцатилетнего стажа говорю вам — берите!

Первый прокатчик. Ой, Мартынов, воюми понижай! Первый мартевовщик. Не беру я понижай! Остальные мартевовщики. Не берем! Первый мартевовщик. По моим расчетам, все дело, ребята, из-за газу оставили бываю. Если ты, к примеру, будешь в своем доме топить печку и сжигать в ней по полону в часе что ж, ты не натопишь? Процесс происходит в стали. Вот болванка и портится.

Второй прокатчик. А чего же вы на газончиков не направаете? Второй мартевовщик. Напирали, не доходит. Первый прокатчик. Ну, так вот, мы вам заявляем, что черепашу от вас обратно не берем! (Шум, крики среди прокатчиков.) Повара, сюда! скаживай коротконогий мартевовщик, в длинном полушубке, чрезвычайно возбужденный.

Коротконогий (схватив ствол палачи). Ах, вы не возьмете черепашу? (Мартеновички приближаются к нему.) Первый прокатчик. Ой, наугади! Ой, за оглоблю схватился! (Хохот среди прокатчиков.) Повара, сюда! Пешехонец (из окна). Повара здесь.

Первый прокатчик. Приготовь кипятилку. Первый мартевовщик. Кипятилку ты меня пугать? Мы, брат, к металлу привыкли, мы, может быть, даже закалены, что в кипятилке купать способны. Мы от своих слов не отступимся.

Мартеновички. Не уступимся! Первый прокатчик. Разрешите вас спросить: будете ли вы сваливать свои черепашки темпы под объективные причины? Первый мартевовщик. Если ты так понимаешь объективные причины, то будешь.

Первый прокатчик. Ага, будете! (Всплывая вскакивает, схватывает горшок цветам.) Остальные прокатчики тоже схватывают горшки. Мартеновички шаркают было, но тут гармонист начинает играть, и они стоят твердой, неколебимой стеной.)

Косматый (неожиданным дискантом). Граждане, успокойтесь, убийство, граждане! Третий прокатчик (садит Косматого на табуретку возле стола и накрывает скатертью). Без музыки не пой!

Первый прокатчик (к остальным). А ну, покажем им, как мы отстаиваем советскую власть и ее привилегии! (Высоко поднимает горшок, напеваясь в гармониста.) Второй прокатчик (тоже напеиваясь). Уходите! Первый мартевовщик (горло). Не уходили мы из-под маховых горшков, не уйдем из-под ваших горшков. Первый прокатчик (горько). Что он говорит! Что он говорит, товарищи? Шестнадцать лет стажу в твоей голове, а мозгов все еще нет! Хорошавка (выскакивает из-за стола). Гармонист играет, она поет. Значу! Вася в бок пачкает. Ждет, что подмигну ему.

Мы не примем черепашу. Не уступим блюмингу. Первый прокатчик. Вы из столовой! Мартеновички (поют). Дмы не примем черепашу, Дмы не уступим блюмингу! Прокатчики. Воа! (Гармонист бросает гармонь.)

Гармонист. Да что вы на нас орете? Вы на аб орите своих! Женщина из прокатчиков. Это ты на своих баб орешь, а наша баба за оранье в морду бьет! Гармонист. Да что вы на нас горшким целитесь? (Поворачивает к окну и выхватывает из рук Пешехонца миску.) Хауст. Ребята, второе утащай! Котлеты рубленные! Пешехонец. Бей их на мою голову!

Первый прокатчик (ставит горшок и перепрыгивает через стол). Он останавливается против первого мартевовщика и начинает засучивать рукава. А так? Первый мартевовщик. А ну, алар! Первый прокатчик. И алару. И так алару, что ты отсюда прямо к своей печке улетши.

Первый мартевовщик (засучивая рукава). А ну, попробуй! Первый прокатчик. Я говорю — возьмешь черепашу и уйдешь! Первый мартевовщик. Сам ты сешь свою черепашу.

Второй мартевовщик (засучивая рукава). Ой, прокатчики, развеем мы вашу стловую. (Грохот. Оранжевое пламя пронисается вдоль окна, которое обращено к цеху. Опять грохот, опять пронисается пламя. Прокатчики кидаются к окну.)

Первый прокатчик. Кто велел катать? Второй мартевовщик. Если уж на то пошло, не прекратим катать. (Входит Мигула.) Мигула. Это я велел катать. Вполне понятно ваше волнение, товарищи. Надо сказать, я волновался не меньше вас. И у меня кулаки чесались. Две ночи засады мы в цехах, и у директора, и у главного инженера. Почти установлено, что главный брак от изложниц. Ну и газ тоже подкачал. И волнение наше мелало. Сейчас мы свили двух инженеров в мартевовском цехе, за менили изложниц, коксовки как теоретически приказали перейти на твердое топливо, а не тратить на себя газ. Самое главное — установили причину. Вот прошло три болванки, и если пройдет их пять, то значит все более или менее в порядке.

Второй мартевовщик. Так их уже шесть прошло. Мигула. Значит, простой окончен. Можно, товарищи, готовить к приятию свином. Хауст. Второе подавать, значит? Первый мартевовщик (укоризненно к прокатчикам). Вот и получилое — черепаша зря! Мигула. Тогда не зря, а сейчас подавай, можно, ее сънять. Первый прокатчик. Низко берете.

Первый прокатчик. Чересчур пронырливо берешь, ниже братишко. Второй прокатчик. Если брать, так брать повыше. У нас слободские всегда в песне повыше берут. (На них шквуют.) Третий прокатчик. Пускай он в свою линию продолжает. Первый. Какая ж тут линия, когда надо ниже брать? Хауст (выходит на середину, лениво и презрительно). Второе подавать, что ли? Первый. Обождай! Третий. Раз он начал петь, пускай доплет. Хауст. Непонятные вы какие-то! Ну, дерет глотку и дерет. Диви бы деньги у него упрями. Косматый (истеричливо). Разрешите трель пустить? Сейчас ловкая трель будет. Все. Пускай, пускай! Первый (кивая на косматого певца). Вот он, общественик. Другие

Первый прокатчик. Не смей катать! Третий мартевовщик. Да ты кто такой? Первый прокатчик. Я старый альфовщик. Я перд государством за ценность проката отвечаю. Лантев. Эх, слают прокатчики, слают.

Третий прокатчик. Нет, мы не сладим. (Опять хватается за горшок.) Мы их заставишь черепашу в зубы унести. Лантев (к Давуду). Ну, успокойте вы их. Игнатий Денисович.

Давуд. Как бы мне это свиные своих винтить в эти события? (К Рыжому.) А ты все жрешь? Тебе хоть бы что? Первый прокатчик. Прекратите катать! Первый мартевовщик. Если уж на то пошло, не прекратим катать. (Входит Мигула.)

Мигула. Это я велел катать. Вполне понятно ваше волнение, товарищи. Надо сказать, я волновался не меньше вас. И у меня кулаки чесались. Две ночи засады мы в цехах, и у директора, и у главного инженера. Почти установлено, что главный брак от изложниц. Ну и газ тоже подкачал. И волнение наше мелало. Сейчас мы свили двух инженеров в мартевовском цехе, за менили изложниц, коксовки как теоретически приказали перейти на твердое топливо, а не тратить на себя газ. Самое главное — установили причину. Вот прошло три болванки, и если пройдет их пять, то значит все более или менее в порядке.

Второй мартевовщик. Так их уже шесть прошло. Мигула. Значит, простой окончен. Можно, товарищи, готовить к приятию свином. Хауст. Второе подавать, значит? Первый мартевовщик (укоризненно к прокатчикам). Вот и получилое — черепаша зря! Мигула. Тогда не зря, а сейчас подавай, можно, ее сънять. Первый прокатчик. Низко берете.

Первый прокатчик. Чересчур пронырливо берешь, ниже братишко. Второй прокатчик. Если брать, так брать повыше. У нас слободские всегда в песне повыше берут. (На них шквуют.) Третий прокатчик. Пускай он в свою линию продолжает. Первый. Какая ж тут линия, когда надо ниже брать? Хауст (выходит на середину, лениво и презрительно). Второе подавать, что ли? Первый. Обождай! Третий. Раз он начал петь, пускай доплет. Хауст. Непонятные вы какие-то! Ну, дерет глотку и дерет. Диви бы деньги у него упрями. Косматый (истеричливо). Разрешите трель пустить? Сейчас ловкая трель будет. Все. Пускай, пускай! Первый (кивая на косматого певца). Вот он, общественик. Другие

Первый прокатчик. Чересчур пронырливо берешь, ниже братишко. Второй прокатчик. Если брать, так брать повыше. У нас слободские всегда в песне повыше берут. (На них ш

ПОЛВЕНА НА СЦЕНЕ

Сегодня общественность г. Горького отмечает 50-летний юбилей сценической деятельности заслуженного артиста республики, художественного руководителя Горьковского драматического театра — Николая Ивановича Соболевичева-Самарина.

Что нового?

★ Оргкомитет союза советских писателей Западной области решил создать историю Смоленского, первого в Европе, льнопрядильно-ткацкого комбината. Создана писательская бригада (В. Горбатенков, М. Завьялов, Ив. Мандрик, Ис. Каш, В. Шурягин, С. Куралов и др.), намечен выпуск специального номера журнала «Искусство», издание ряда брошюр и однотомника, выход которого планируется к началу ленинского комбината. (Из письма В. Гаврилова).

Болтуны из Самары „намечают сдвиги“

ЛЕГКО И НЕХЛОПОТНО

В Самаре предпочитают эластичные, мягкие формулировки. Например: «Работа еще не совсем развинулась», «Сделаю немного, но мы намечаем» и т. д. В качестве «подкрепляющего» материала издается ветхий листок обумажки. Это список литкружков, имеющих баз литературно-массовой работы. На какие же предприятия, на какие рабочие коллективы опирается

Рис. Лиса

«Отгорвались»

Оргкомитет? В качестве таких базовых, центральных пунктов в списке значатся: педагогический институт, мединститут, высшая с.-х. школа, крайком союза кооперации и госторговля, кружок дошкольных воспитателей. И кажется как-то недоразумением, случайностью, что в этот учебно-воспитательный список забрели завод им. Масленникова и железнодорожное депо. Чем объяснить такое сильное увлечение учебными учреждениями? Очевидно, только тем, что здесь, среди учащейся молодежи, оргкомитету работает легко и хлопотно. Народ здесь грамотный, активный. Работа идет сама собой. Даже без усилий самого оргкомитета.

Другое дело фабрика, завод. Здесь несравненно беспокойнее. Надо ехать на предприятие, вести организационную работу, иной раз бороться с косяком завкомиков, отбивать право на существование литкружка.

ЮБИЛЕИ ТЕАТРА

Ленинград. (Наш. корр.) Ленинградская общественность отмечает юбилей Большого драматического театра им. М. Горького. За пятнадцатилетнее существование БДТ завоевал место на ленинградском театральном фронте как передовой театр, познававший ленинградского зрителя с большим количеством лучших произведений советской драматургии и осуществивший ряд интересных постановок из классического репертуара. Сейчас в репертуаре театра наибольшим успехом пользуются пьесы «Горький» и «Достигаев и другие» М. Горького, «Мой друг» Н. Погодина, «Взница радости» Н. Зархи, «Угрожение Рабинсона» В. Каверина, «Слуга двух господ» Гольдони, «Дон Карлос» Шиллера и др.

Юбилей театра ознаменован месячником культурных мероприятий постановки театра. Состоялся конференция рабочих-ударников-зрителей театра. На многих заводах проводятся беседы о юбилее театра. Торжественное заседание, посвященное 15-летию театра, состоится 12 марта. Будет показана новая постановка Л. Сталина «Искителен». Следующая юбилейная премьера (в апреле) — «Ринальдо Шекспира» в постановке К. Тарковского. В юбилейный комитет входят: председатель Леноксета Г. Калацкий, наркомпрос Т. Бунов, секретарь ЛК ВКП(б) Т. Угаров, культпроток ОК ВКП(б) Т. Позарн, М. Андреева, Я. Боярский, Монахов, Мейерхольд, Н. Погодин, А. Толстой, Н. Тихонов, С. Беспозванный и др. Почетный председатель юбилейного комитета — Максим Горький.

В ЯЧЕЙКЕ ПИСАТЕЛЕЙ-КОМСОМЛЬЦЕВ

На чистке парторганизации советских писателей как один из самых крупных недостатков работы отмечены отсутствие писательской комсомольской организации. В порядке реализации выводов чистки в ноябре было приступлено к организации комсомольцев-писателей. В феврале закончился организационный период. Ячейка насчитывает сейчас около 30 человек. В дальнейшем ячейка будет расти за счет комсомольцев-писателей, не прикрепившихся еще к ячейке, и новых пополнений молодых писателей. Избрано бюро ячейки. В состав бюро вошли: Т. Колин (отв. секретарь), Закураева, Горская, Тарасенко. Бюро ячейки работает в помещении МТП.

КТО ЖЕ ВИНОВАТ?

«...Советские писатели до сих пор не дали еще почти ни одного крупного художественного произведения о нашем железнодорожном транспорте. Мастера слова — на транспорте! Мы вносим предложение: созвать в ближайшее время в Оргкомитет специальное совещание с участием специалистов дорог, политуправления НКПС, актива писателей...»

Большая часть писателей, которые написаны эти строки в «Литгазете», в специальном поезде, посвященном транспорту и литературе («ЛП» № 45 от 29 сентября 1933 г.). Только через пять месяцев (25 февраля) Оргкомитет созвал специальное совещание писателей, работников политуправления НКПС и ЦК союза железнодорожников.

Собрания для того, чтобы сказать знакомую фразу: «А воз и ныне там». Московские театры в свое время обещали выехать на линии, помочь транспорту, взять участие в работе над железнодорожными клубами и т. д. Организовались только режиссеры. Создали бригаду драматургов на транспорте (Гайдовский, Олеша, Третьяков, Сверчков и др.). Тоже ничего не сделали.

«Гуток» ждет от старых «гудковцев» В. Кагана, Ильфа и Петрова, Славяна, Булгакова и других писателей рассказов, очерков на транспортную тему. Встретный счет на совещании предали и писатели. Почему марширует в киноорганизациях написанный киносценарий о транспорте, отобранный Политуправлением НКПС? Четыре месяца лежит в «Советской литературе» рассказ Д. Сверчкова для «Книжки-приветник». Издательство не стало еще в печать этого рассказа. Група писателей, побощавших транспорту, ничего не сделали, но другая группа писателей (Ф. Березовский, Никифоров, Сверчков, Карцев, Касимов) уже давно работает на транспорте, пишет, но не встречает содействия Политуправления НКПС.

Три писательских бригады Политуправления совместно с Политуправлением НКПС и ЦК союза железнодорожников на крупнейшие дороги. А. К.

ПОСЛЕ ПРОЦЕССА

или краткая история о литературном зайце (Карьера Ганзбурга)

Рис. Евгана

КНИЖНАЯ ВИТРУВИНА

★ «Критические письма» — книги К. Зеллинского переизданы «Советской литературой». ★ «Три рассказа» — книга М. Кавана, которую вопли «Пехотинец Дурдыев», «Хорошие товарищи» и «Дурой и спой», выпущена «Советской литературой». ★ «Весна» — повесть Д. Стойлова о политотделе — вышла в «Советской литературе».

КТО ЖЕ ВИНОВАТ?

«...Советские писатели до сих пор не дали еще почти ни одного крупного художественного произведения о нашем железнодорожном транспорте. Мастера слова — на транспорте! Мы вносим предложение: созвать в ближайшее время в Оргкомитет специальное совещание с участием специалистов дорог, политуправления НКПС, актива писателей...»

Большая часть писателей, которые написаны эти строки в «Литгазете», в специальном поезде, посвященном транспорту и литературе («ЛП» № 45 от 29 сентября 1933 г.). Только через пять месяцев (25 февраля) Оргкомитет созвал специальное совещание писателей, работников политуправления НКПС и ЦК союза железнодорожников.

Собрания для того, чтобы сказать знакомую фразу: «А воз и ныне там». Московские театры в свое время обещали выехать на линии, помочь транспорту, взять участие в работе над железнодорожными клубами и т. д. Организовались только режиссеры. Создали бригаду драматургов на транспорте (Гайдовский, Олеша, Третьяков, Сверчков и др.). Тоже ничего не сделали.

«Гуток» ждет от старых «гудковцев» В. Кагана, Ильфа и Петрова, Славяна, Булгакова и других писателей рассказов, очерков на транспортную тему. Встретный счет на совещании предали и писатели. Почему марширует в киноорганизациях написанный киносценарий о транспорте, отобранный Политуправлением НКПС? Четыре месяца лежит в «Советской литературе» рассказ Д. Сверчкова для «Книжки-приветник». Издательство не стало еще в печать этого рассказа. Група писателей, побощавших транспорту, ничего не сделали, но другая группа писателей (Ф. Березовский, Никифоров, Сверчков, Карцев, Касимов) уже давно работает на транспорте, пишет, но не встречает содействия Политуправления НКПС.

Три писательских бригады Политуправления совместно с Политуправлением НКПС и ЦК союза железнодорожников на крупнейшие дороги. А. К.

ОБСУЖДАЕМ ВОПРОСЫ МУЗЫКАЛЬНОЙ ДРАМАТУРГИИ НЕ ЛИТЕРАТУРА ДЛЯ ПЕНИЯ, А ПОЮЩАЯ ЛИТЕРАТУРА

Тов. Шкловский поднял на страницах «Литературной газеты» в связи с оперой Шостаковича «Екатерина Измайлова» большой и важный вопрос. Об оперной драматургии. Но никак не разрешил его. Не только не разрешил, но даже задал.

Театр, поставивший оперу Шкловский обвиняет в том, что в разрешении всего спектра он пошел от последнего акта, представляющего собой «либретто старой оперы». Автор Шостаковича обвиняет за компромиссы в построении либретто. Музыка Шостаковича — это, мол, «вещь» (так и определяет ее Шкловский) — «новая вещь», «новая музыка». А драматургия оперы — старая. И еще: «Из исполнителей один только муж Зиновий специал Шостаковича». А остальные — «игралы» — «игралы», «игралы».

Почему играть серьезно значит играть натуралистически? Почему муж Зиновий, игравший в равной мере натуралистически, играл не серьезно, т. е. хорошо? И тем самым «играл Шостаковича»? Все это путанно и неубедительно.

Шкловский хочет сказать, что музыка выше содержания «Екатерины Измайловой». Но ведь никто Шостаковича Лесковской повести не называл. Он сам ее выбрал, значит, чувствовал ее наиболее родственной своим музыкальным замыслам. Наиболее удовлетворяющей своему музыкально-творческому «спросу». И, видимо, не ошибся. Лесковская повесть поднята Шостаковичем в уровень его музыкально-творческому мировоззрению. А оно — советское. Шостакович прочел старую русскую леди Макбет по-новому. «Ты меня так пошевелил», — говорит Шкловский, — «это новая музыка, иначе раскрывающая человека, как в этой опере нужна новая драматургия». В первой части такого утверждения все обстоит благополучно — новая музыка иначе и раскрывала человека: Лесков, левковщина показаны по-новому. Что касается новой драматургии, ей, конечно, места и места. Даже если бы претензии Лескова защищать особенно не приходится. Но вопрос

этого нельзя сводить так просто к «заметкам об оперном либретто» и к «литературе для пения», как это делает Шкловский.

Если оперная драматургия есть не что иное как традиционное «оперное либретто», тогда с Шкловским спорить не приходится. «Екатерина Измайлова» ему не понравилась, он хочет другой тематики (какой — он не говорит). Это его неоспоримое право. Вот, например, «конфликт» оперы «Гулетны». Шкловскому больше по душе. Он даже вспоминает по сему поводу, что «оперные ситуации в свое время были гораздо злободневнее». Ну что же, «Гулетны» — так «Гулетны». Дело вкуса и критерия «злободневности». Для Шкловского незлым бы остался принцип «литературы для пения». Оперное либретто есть «литература», которую композитор кладет на музыку, «для пения».

Рубинштейн, например, положил на музыку «Демона». Для этого он обратился к некому Висковатову и попросил его сделать из Лермонтова «литературу для пения». И вот в этой «литературе» Тамара и до сих пор поет: По парням, Соберем Мы цветы-цветочки, Завянут, Завянут Мы венки-веночки.

А ведь не всякому неусушному слушателю Лермонту придет в голову коварная мысль проверить, неужели Лермонтов мог писать такие «стихи-стишочки». Не всякому посетителю филыала Большого театра постыжится перелистать после спектакля поэму, дабы с облегченным сердцем вздохнуть: нет, Лермонтов этих «стишочков» не писал. Их написал за него (с покойника что — взятки гладки) Висковатов. Тот Висковатов, о котором история сохранила злую эпиграму: Храни бог от Висковатого, Вдохновеннее небогатого, Болтовнее тароватого, Бедным «демоном» проклятого.

Это — «литература для пения», либретто. И Висковатов не один. На много ли, Лермонту хотело бы «Евгения Онегина» Чайковского? Попробуйте, например, найти у Пушкина Гремину, вкусно пошегет о том, что «любви все возрасты покорны». Никакого Гремину в «Евгении Онегине» нет и в помине. А «Ликовая Дама», а «Русалка», а те же «Гулетны» с их анекдотическим «У Краля есть враги» или «Киф-пафим». Все это результат «литературы для пения». Результат того положения, когда опера расценивалась как «пение» и только, а «литература», сиречь либретто — как повод к этому пению в costume и гриме.

«Екатерина Измайлова» Шостаковича и счастлива прежде всего тем, что она не озвучено либретто, а литература для пения, а либретто — это либретто музыкальной повести. Каждый ее образ — нерасчлененное единство «литературы» и «музыки» в их абсолютной взаимосвязи и взаимопроникновении. Музыкальная окраска слова, фразы, их интонационный комплекс рождается здесь одновременно из «литературы» и «музыки». Приказчик Сергей дан в «Екатерине Измайловой» отвратительным животным, тупым хулиганом, потому что этот образ так выношен изнутри музыкальной повести, из творческого единства ее. Здесь нет проклятого «либретто», нет «литературы для пения», а есть единая музыкальная драма. Есть музыкальный драматург, музыкальный поэт Шостакович, которого нельзя механически поделить на литературу и музыку.

Ведь и исторически обособленный либреттист — дело не столь далекое прошлого. Он появился в форме ответвления оперы в феерически-балетное зрелище, которое определило линию развития французской «большой оперы», приблизительно от времен либреттиста оперы Рамо — знаменитого Кина. В своем возникновении в эпоху Ренессанса опера понималась как единое литературно-поэтическое произведение, где текст и музыка принадлежали одному автору, где даже самый жанр носил это название: драма in musica, драма per musica. Ведь недаром музыкальные драмы Вагнера написаны им самим, недаром музыкальные драмы Мусоргского написаны им самим, и «Екатерина Измайлова» Шостаковича написана им самим. Вот в чем гвоздь вопроса.

Поклонный Багрицкий оставил после себя законченное оперное либретто «Дума про Опанаса». Оно написано в альманахе «Год шестнадцатый» как вполне самостоятельное литературное произведение. Так оно и есть. Переделанное из поэмы того же названия, оно изменило архитектурно-конструктивно, разбито на акты, сведено в диалоги, хоры и т. д. Но все-таки это чисто литературное произведение, предпринятое опере. Оно литературно-музыкально, литературно-напевно. И кем-то со стороны написанная к нему как к либретто музыка безусловно убог, снижает его. Она, эта музыка, не усилит, не подчеркнет, не произвела литературную ткань «Думы», а безусловно, обезоформит ее в угоду музыке. У композитора нет, не будет, не может быть полного взаимопроникновения с автором либретто, ибо это невозможно. Проклятому самому по себе в своей литературной выразитель-

ности либретто предстоит, несомненно, обратиться в плохую поему в целом. А вот новая история либретто «Екатерины Измайловой», но рожденному в самой музыке и вместе с музыкой, посчастливилось превратиться в новую оперу мирового значения, ибо в ней родился синтез музыкального романа, музыкальной повести как специфическое единство музыки и слова. Не литература для пения, а поющая литература. Это особая статья. В дневниках недооцененного у нас Ильи Саца есть целый ряд изумительных мыслей по этому поводу. «Нет ни одной отрасли искусства — пишет Сац — более отсталой, более рутинной, чем опера, где на сцене ложного классицизма было бы сильнее, где осязок отсталости, пошлости был бы разительнее. Почему? Потому что опера — не отдельные ноты, а целое, потому что музыка в ней — «поэзия, а не пение»... «Музыка — это ветер, и шелест, и говор, и стук, и хрустение, и визг. Зачем нет, — жалует Сац, — регистр «ветер», который интонирует десятками тонов? Зачем? Сто людей скажут мне завтра «заво ступай» и каждый скажет по-разному: там будет сквозить зависть, здесь — пошлость и тупость, там — бахвальство, счастье, радость. А где же нынче одного слова, одного звука на скрипке или на рояле?»

Вот где мучительны поиски музыки театра — рождение оперы. Она — в «литературе для пения» и не в старом пошлом понимании обывательского «либретто». Она — в новом поэте, в новом музыкальном драматурге, в новом мыслителю, — записывает бессонными полами Ильи Саца — надо включить новые оттенки, разнообразные окраски звуков, как смеш, шелест, стон, журчанье, стук... Куда бежать от этой банальной гаммы из полутонов, от этого салонного слащавого удара молотка по струне. Нужны новые краски, новые сочетания, новые ритмы... Среди Шопена, Мендельсона, Грига мне чудится и прорывается иные, мои звуки... Работайте над повестями и романами, подбирайте слова и созвучия... Что может быть прекраснее, как слышать мысль».

Так и Шостакович, подбирая слова и созвучия, подслушал Лескова. Так родилась та «Леди Макбет», которую мне хочется по ее музыкальной фактуре во многом сравнить с значимым шолоховским «Тихого Дона». И Шолохов от «Тихого Дона» ушел к «Поднятой целине». И Шостакович ушел от Лескова. Но только не подсовывайте ему, т. Шкловский, не подсовывайте «литературы для пения», не сводите упрощенно к стареньким «заметкам об оперном либретто».

Эм. БЕСКИН.

ВЫСТАВКА ДЕКОРАЦИОННОГО ИСКУССТВА

Подготовка организующей Наркомпросом уже около двух месяцев юбилейной выставки советского театрально-декорационного искусства за 15 лет за последнее время, как уже отмечалось, несколько затормозилась.

Сейчас, по словам председателя выставочного комитета, т. П. Новинского, в подготовке выставки взяты более решительные темпы. Уже составлен список 150 макетов театральных постановок. Всего пока

КАБИНЕТ РАБОЧЕГО АВТОРА В РОСТОВЕ

Большую учебно-творческую работу авторства в Ростове кабинет рабочего-автора, организованный Профсоюзом. Семинары по языку и классикам и цикловые лекции по современной литературе охотно посещаются не только слушателями, выделенными заводскими организациями и многотарифками, но и рабочими, интересующимися историей литературы. Особенно тщательно прорабатывали слушатели открытое письмо А. М. Горького А. С. Серафимовичу. В программу занятий включена проработка решений мартовского пленума Оргкомитета писателей.

Рабочие-авторы закрепляются по определенным консультантам для более углубленной работы над материалом. К литконсультации привлечены лучшие писательские силы города.

В результате работы кабинета литпурия Ростельмаша, ведущая в крае, подготовила к печати сборник «На сложном агрегате».

М. НЕЗНАМОВ.

Памяти Лидии Филатовой

Бессмысленная жестокая болезнь в несколько дней лишила Лидию Филатову — молодого талантливого литературного критика и страстного общественного деятеля.

Работавшая в области западной литературы, сотрудничавшая не только в советской, но и в англо-американской прессе, она была одним из советских критиков, активно включившихся в интернациональное революционное литературное движение. Немногие статьи, которые она успела написать за свою недолгую жизнь, были ценным вкладом в марксистскую критику в области современной западной литературы и были горячо встречены лучшим представителями зарубежной революционной культуры (статьи о негритянской литературе, о Хьюзо, о современной английской литературе, о фашистской литературе в Англии и др.).

Лидия Филатова была типом нового литератора в полном смысле этого слова. Ее литературная работа неразрывно связывалась с общественной деятельностью в области интернационально-массовой работы среди русских и иностранных рабочих. Командиром в Кузбассе, в Магнитогорск, выступления среди иностранных рабочих, организация Филатова гос. Б-ки ин. литературы, интернациональных вечеров и бесед на московских и др. заводах — всему этому она отдавала массу внимания и сил.

Все близко знавшие Лидию Филатову чувствуют невыразимую глубокую горечь.

Е. УСИВЧИК, С. ДИНАМОВ, А. ЛУЧАНСКАЯ, А. БОСОВ, ЧАРСКИЙ, ОПСЛЕНДЕР, БЕЛА ИЛЛЕШ, С. ЛЮДКЕВИЧ, П. КОЛИН, ЭМИ СКО, У. КАРМОН, Ф. ЭЛЛИС, М. ЛИФШИЦ, М. РУДОМИНО, А. ЗАПРОВСКАЯ, М. КИТАЙШЕВА, А. СТАРЦЕВ, А. ЕЛИСТАРОВА, Н. ЭЙШКИНА, Т. МОТЯЛЕВА, И. КАШКИН, Д. ЖАНТИЕВА, И. БЕХЕР.

ОРГКОМИТЕТ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ КОМИССИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ УКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, КОМАКАДЕМИЯ

организуют творческий вечер украинской советской литературы. На вечере председательствует А. И. Стецкий. Участвуют писатели: Кулик, Микитенко, Щупак, Кирилленко, Панч, Копаляк, Головок, Кузьмич, Иван Ле, Торин, Корнийчук, Перемышлянский, Усенко, Терещенко, Фефер, Гильдин, Безьменский, Гидан, Слю.

Программа вечера: 1. Доклад т. Щупака «Украинская советская литература». 2. Выступление писателя 3. Концерт. Вечер состоится 19 марта 1934 г. в помещении Комакадемии (Волжонка 14). Билеты в Оргкомитете ССП (ул. Воровского, 52).

В БЛИЖАЙШИЕ ДНИ ВЫХОДИТ № 2 ЖУРНАЛА КНИГА И ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Содержание: XVII съезд ВКП(б). Академик И. Демьянов — Менделеев и его «Периодическая система» науки. И. Филатов — о сдвиге современного познания. С. БАДЕН — Менделеев и его историческое значение. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ РЕВОЛЮЦИОННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА. П. ГОТОВИЧ — «Гидан», из которой рождается война. С. ШОП — «Миллионы изучают литературно-политическое наследие Ленина». И. ГОДЛЕР — «Бонур» за окном советской торговли. С. ПИНОТКОВСКИЙ — Классовая борьба в исторической науке. Т. ОХТИНКО — Проблемы и закономерности советской торговли. И. ПИНОТКОВСКИЙ — О политике и тактике иностранной торговли. ПАТРИСТИЧНО-МАССОВЫЙ ЛИТЕРАТУРА. И. ВАС — Политотдел — организаторы объединенных побед. М. ЕРИМАН — Чистка партии в действии. Г. ПИНОТКОВСКИЙ — Проблемы самообразования. К. СИДОРОВ — О возникновении большевизма. П. Г. — Опыт, который получил неверную оценку. С. СМЕРД — Миллионы изучают литературно-политическое наследие Ленина. И. ГОДЛЕР — «Бонур» за окном советской торговли. С. ПИНОТКОВСКИЙ — Классовая борьба в исторической науке. Т. ОХТИНКО — Проблемы и закономерности советской торговли. И. ПИНОТКОВСКИЙ — О политике и тактике иностранной торговли. ПАТРИСТИЧНО-МАССОВЫЙ ЛИТЕРАТУРА. И. ВАС — Политотдел — организаторы объединенных побед. М. ЕРИМАН — Чистка партии в действии. Г. ПИНОТКОВСКИЙ — Проблемы самообразования. К. СИДОРОВ — О возникновении большевизма. П. Г. — Опыт, который получил неверную оценку. С. СМЕРД — Миллионы изучают литературно-политическое наследие Ленина. И. ГОДЛЕР — «Бонур» за окном советской торговли. С. ПИНОТКОВСКИЙ — Классовая борьба в исторической науке. Т. ОХТИНКО — Проблемы и закономерности советской торговли. И. ПИНОТКОВСКИЙ — О политике и тактике иностранной торговли. ПАТРИСТИЧНО-МАССОВЫЙ ЛИТЕРАТУРА. И. ВАС — Политотдел — организаторы объединенных побед. М. ЕРИМАН — Чистка партии в действии. Г. ПИНОТКОВСКИЙ — Проблемы самообразования. К. СИДОРОВ — О возникновении большевизма. П. Г. — Опыт, который получил неверную оценку. С. СМЕРД — Миллионы изучают литературно-политическое наследие Ленина. И. ГОДЛЕР — «Бонур» за окном советской торговли. С. ПИНОТКОВСКИЙ — Классовая борьба в исторической науке. Т. ОХТИНКО — Проблемы и закономерности советской торговли. И. ПИНОТКОВСКИЙ — О политике и тактике иностранной торговли. ПАТРИСТИЧНО-МАССОВЫЙ ЛИТЕРАТУРА. И. ВАС — Политотдел — организаторы объединенных побед. М. ЕРИМАН — Чистка партии в действии. Г. ПИНОТКОВСКИЙ — Проблемы самообразования. К. СИДОРОВ — О возникновении большевизма. П. Г. — Опыт, который получил неверную оценку. С. СМЕРД — Миллионы изучают литературно-политическое наследие Ленина. И. ГОДЛЕР — «Бонур» за окном советской торговли. С. ПИНОТКОВСКИЙ — Классовая борьба в исторической науке. Т. ОХТИНКО — Проблемы и закономерности советской торговли. И. ПИНОТКОВСКИЙ — О политике и тактике иностранной торговли. ПАТРИСТИЧНО-МАССОВЫЙ ЛИТЕРАТУРА. И. ВАС — Политотдел — организаторы объединенных побед. М. ЕРИМАН — Чистка партии в действии. Г. ПИНОТКОВСКИЙ — Проблемы самообразования. К. СИДОРОВ — О возникновении большевизма. П. Г. — Опыт, который получил неверную оценку. С. СМЕРД — Миллионы изучают литературно-политическое наследие Ленина. И. ГОДЛЕР — «Бонур» за окном советской торговли. С. ПИНОТКОВСКИЙ — Классовая борьба в исторической науке. Т. ОХТИНКО — Проблемы и закономерности советской торговли. И. ПИНОТКОВСКИЙ — О политике и тактике иностранной торговли. ПАТРИСТИЧНО-МАССОВЫЙ ЛИТЕРАТУРА. И. ВАС — Политотдел — организаторы объединенных побед. М. ЕРИМАН — Чистка партии в действии. Г. ПИНОТКОВСКИЙ — Проблемы самообразования. К. СИДОРОВ — О возникновении большевизма. П. Г. — Опыт, который получил неверную оценку. С. СМЕРД — Миллионы изучают литературно-политическое наследие Ленина. И. ГОДЛЕР — «Бонур» за окном советской торговли. С. ПИНОТКОВСКИЙ — Классовая борьба в исторической науке. Т. ОХТИНКО — Проблемы и закономерности советской торговли. И. ПИНОТКОВСКИЙ — О политике и тактике иностранной торговли. ПАТРИСТИЧНО-МАССОВЫЙ ЛИТЕРАТУРА. И. ВАС — Политотдел — организаторы объединенных побед. М. ЕРИМАН — Чистка партии в действии. Г. ПИНОТКОВСКИЙ — Проблемы самообразования. К. СИДОРОВ — О возникновении большевизма. П. Г. — Опыт, который получил неверную оценку. С. СМЕРД — Миллионы изучают литературно-политическое наследие Ленина. И. ГОДЛЕР — «Бонур» за окном советской торговли. С. ПИНОТКОВСКИЙ — Классовая борьба в исторической науке. Т. ОХТИНКО — Проблемы и закономерности советской торговли. И. ПИНОТКОВСКИЙ — О политике и тактике иностранной торговли. ПАТРИСТИЧНО-МАССОВЫЙ ЛИТЕРАТУРА. И. ВАС — Политотдел — организаторы объединенных побед. М. ЕРИМАН — Чистка партии в действии. Г. ПИНОТКОВСКИЙ — Проблемы самообразования. К. СИДОРОВ — О возникновении большевизма. П. Г. — Опыт, который получил неверную оценку. С. СМЕРД — Миллионы изучают литературно-политическое наследие Ленина. И. ГОДЛЕР — «Бонур» за окном советской торговли. С. ПИНОТКОВСКИЙ — Классовая борьба в исторической науке. Т. ОХТИНКО — Проблемы и закономерности советской торговли. И. ПИНОТКОВСКИЙ — О политике и тактике иностранной торговли. ПАТРИСТИЧНО-МАССОВЫЙ ЛИТЕРАТУРА. И. ВАС — Политотдел — организаторы объединенных побед. М. ЕРИМАН — Чистка партии в действии. Г. ПИНОТКОВСКИЙ — Проблемы самообразования. К. СИДОРОВ — О возникновении большевизма. П. Г. — Опыт, который получил неверную оценку. С. СМЕРД — Миллионы изучают литературно-политическое наследие Ленина. И. ГОДЛЕР — «Бонур» за окном советской торговли. С. ПИНОТКОВСКИЙ — Классовая борьба в исторической науке. Т. ОХТИНКО — Проблемы и закономерности советской торговли. И. ПИНОТКОВСКИЙ — О политике и тактике иностранной торговли. ПАТРИСТИЧНО-МАССОВЫЙ ЛИТЕРАТУРА. И. ВАС — Политотдел — организаторы объединенных побед. М. ЕРИМАН — Чистка партии в действии. Г. ПИНОТКОВСКИЙ — Проблемы самообразования. К. СИДОРОВ — О возникновении большевизма. П. Г. — Опыт, который получил неверную оценку. С. СМЕРД — Миллионы изучают литературно-политическое наследие Ленина. И. ГОДЛЕР — «Бонур» за окном советской торговли. С. ПИНОТКОВСКИЙ — Классовая борьба в исторической науке. Т. ОХТИНКО — Проблемы и закономерности советской торговли. И. ПИНОТКОВСКИЙ — О политике и тактике иностранной торговли. ПАТРИСТИЧНО-МАССОВЫЙ ЛИТЕРАТУРА. И. ВАС — Политотдел — организаторы объединенных побед. М. ЕРИМАН — Чистка партии в действии. Г. ПИНОТКОВСКИЙ — Проблемы самообразования. К. СИДОРОВ — О возникновении большевизма. П. Г. — Опыт, который получил неверную оценку. С. СМЕРД — Миллионы изучают литературно-политическое наследие Ленина. И. ГОДЛЕР — «Бонур» за окном советской торговли. С. ПИНОТКОВСКИЙ — Классовая борьба в исторической науке. Т. ОХТИНКО — Проблемы и закономерности советской торговли. И. ПИНОТКОВСКИЙ — О политике и тактике иностранной торговли. ПАТРИСТИЧНО-МАССОВЫЙ ЛИТЕРАТУРА. И. ВАС — Политотдел — организаторы объединенных побед. М. ЕРИМАН — Чистка партии в действии. Г. ПИНОТКОВСКИЙ — Проблемы самообразования. К. СИДОРОВ — О возникновении большевизма. П. Г. — Опыт, который получил неверную оценку. С. СМЕРД — Миллионы изучают литературно-политическое наследие Ленина. И. ГОДЛЕР — «Бонур» за окном советской торговли. С. ПИНОТКОВСКИЙ — Классовая борьба в исторической науке. Т. ОХТИНКО — Проблемы и закономерности советской торговли. И. ПИНОТКОВСКИЙ — О политике и тактике иностранной торговли. ПАТРИСТИЧНО-МАССОВЫЙ ЛИТЕРАТУРА. И. ВАС — Политотдел — организаторы объединенных побед. М. ЕРИМАН — Чистка партии в действии. Г. ПИНОТКОВСКИЙ — Проблемы самообразования. К. СИДОРОВ — О возникновении большевизма. П. Г. — Опыт, который получил неверную оценку. С. СМЕРД — Миллионы изучают литературно-политическое наследие Ленина. И. ГОДЛЕР — «Бонур» за окном советской торговли. С. ПИНОТКОВСКИЙ — Классовая борьба в исторической науке. Т. ОХТИНКО — Проблемы и закономерности советской торговли. И. ПИНОТКОВСКИЙ — О политике и тактике иностранной торговли. ПАТРИСТИЧНО-МАССОВЫЙ ЛИТЕРАТУРА. И. ВАС — Политотдел — организаторы объединенных побед. М. ЕРИМАН — Чистка партии в действии. Г. ПИНОТКОВСКИЙ — Проблемы самообразования. К. СИДОРОВ — О возникновении большевизма. П. Г. — Опыт, который получил неверную оценку. С. СМЕРД — Миллионы изучают литературно-политическое наследие Ленина. И. ГОДЛЕР — «Бонур» за окном советской торговли. С. ПИНОТКОВСКИЙ — Классовая борьба в исторической науке. Т. ОХТИНКО — Проблемы и закономерности советской торговли. И. ПИНОТКОВСКИЙ — О политике и тактике иностранной торговли. ПАТРИСТИЧНО-МАССОВЫЙ ЛИТЕРАТУРА. И. ВАС — Политотдел — организаторы объединенных побед. М. ЕРИМАН — Чистка партии в действии. Г. ПИНОТКОВСКИЙ — Проблемы самообразования. К. СИДОРОВ — О возникновении большевизма. П. Г. — Опыт, который получил неверную оценку. С. СМЕРД — Миллионы изучают литературно-политическое наследие Ленина. И. ГОДЛЕР — «Бонур» за окном советской торговли. С. ПИНОТКОВСКИЙ — Классовая борьба в исторической науке. Т. ОХТИНКО — Проблемы и закономерности советской торговли. И. ПИНОТКОВСКИЙ — О политике и тактике иностранной торговли. ПАТРИСТИЧНО-МАССОВЫЙ ЛИТЕРАТУРА. И. ВАС — Политотдел — организаторы объединенных побед. М. ЕРИМАН — Чистка партии в действии. Г. ПИНОТКОВСКИЙ — Проблемы самообразования. К. СИДОРОВ — О возникновении большевизма. П. Г. — Опыт, который получил неверную оценку. С. СМЕРД — Миллионы изучают литературно-политическое наследие Ленина. И. ГОДЛЕР — «Бонур» за окном советской торговли. С. ПИНОТКОВСКИЙ — Классовая борьба в исторической науке. Т. ОХТИНКО — Проблемы и закономерности советской торговли. И. ПИНОТКОВСКИЙ — О политике и тактике иностранной торговли. ПАТРИСТИЧНО-МАССОВЫЙ ЛИТЕРАТУРА. И. ВАС — Политотдел — организаторы объединенных побед. М. ЕРИМАН — Чистка партии в действии. Г. ПИНОТКОВСКИЙ — Проблемы самообразования. К. СИДОРОВ — О возникновении большевизма. П. Г. — Опыт, который получил неверную оценку. С. СМЕРД — Миллионы изучают литературно-политическое наследие Ленина. И. ГОДЛЕР — «Бонур» за окном советской торговли. С. ПИНОТКОВСКИЙ — Классовая борьба в исторической науке. Т. ОХТИНКО — Проблемы и закономерности советской торговли. И. ПИ